

смысле обозначает: «относящийся к десяти союзам племен», т.е. человек, входивший в данную «конфедерацию десяти союзов племен» или государство¹.

Не позднее начала VIII в. под влиянием существовавшей начиная с античного периода гуннской письменности, основанной на кыпчакском диалекте, возникает рунический алфавит. Как показывает сравнительный анализ, он был составлен на основе огузского диалекта древнетюркского языка, и в нем, в отличие от кыпчакского, не было ни буквы «h» (аш), ни буквы «x». Поэтому самоназвание гуннов, т.е. «hунук» или «hунhук», позднее в текстах рунических исторических памятников начала VIII в. естественно писались как «ун ук».

По этой причине в рунических текстах указанное словосочетание учеными ошибочно переводится в прямом смысле как племена «десяти стрел». Перевод является, за некоторым исключением, на первый взгляд верным но, исчезает весьма важный в данном случае этноним – самоназвание гуннов. Дело в том, что у древних гуннов в словосочетании «hун ук» первое слово, хотя имеет то же значение «десять», но, как было отмечено, пишется по древнейшей форме через «h». Второе же слово «ук» (стрела) (иногда тоже пишется через «h») в переносном смысле у древних гуннов обозначал «союз». Следовательно, «десять оков» – это не племена «десяти стрел», а «десять союзов» племен².

Пример с самоназванием гуннов является неслучайным и интересен тем, что слово «тюрк» в древнетюркском языке означает также государство, а «тюрекг» – то же слово с аффиксом принадлежности в конце который обозначал принадлежность человека к данному более крупному государственному организму, созданному позднее в VI в. тюрками-огузами. Не случайно, византийский император Константин Багрянородный в начале X в. в своей книге даже мадьяр называет «тюрками», возможно, потому, что они когда-то входили в состав указанного государства³. Другой византийский автор Ф.Симокатта еще ранее в VII в., говоря о гуннах, писал, что «это были гунны, которых большинство привыкло называть тюрками»⁴.

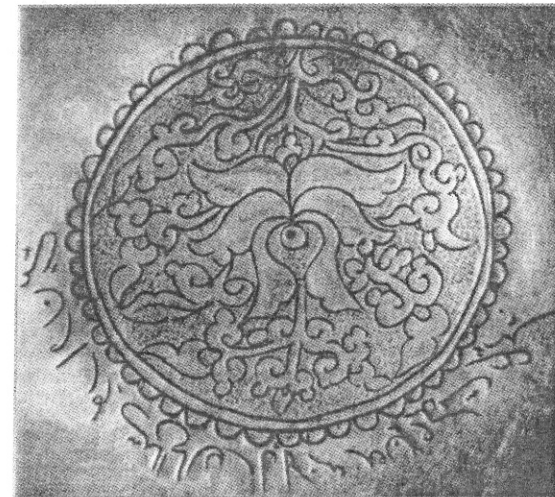
Появившиеся после распада Тюркской империи, и особенно после вторжения в Восточную Европу одного из огузских племен – печенегов, такие этнического характера термины, как «хун» (хун), «куман», «кыпчак» и т.д., без гунно-тюрского языкового субстрата объяснить невозможно. Например, в армянских источниках, относящихся предположительно к V–VI вв., слово «куман» встречается в более древней форме, как «хунан» (т.е. хунан – «Земля гуннов»).

Переход звуков *н>м>б>п* для тюркских языков является обычным, поэтому появление за «хунаном» в средневековых источниках слова в форме «кунан» не удивляет. Не удивляет также то, что это слово сохраняется до наших дней как название территории Северного Кавказа в форме «Кубань».

Такой же переход звуков *н>м>б>п* прослеживается в этнониме «кыпчак» (по-венгерски кыпчак это – «qип», т.е. гунн). Слово состоит из двух частей: «кун» и «чак» («кунчак», «кумчак», «кыбчак» и т.д.), и означает буквально «гуннский человек», что сильно напоминает этноним «русский», т.е. «человек русса». Вторая часть слова сохранилась в современных тюркских языках, например: «бала-чага» (детвора), «киленчэк» (сноха, букв. – пришедшая), «чага» (половецкая пленница⁵) в «Слове о полку Игореве».

Глава II

Поволжье до монголов

¹ Мухамадиев А. Указ. соч. С. 23–24, 41.

² Максуди С. Тюркская история и право. Казань, 2000. С. 316.

³ Багрянородный К. Об управлении империей. М., 1991. С. 53.

⁴ Симокатта Ф. История. М., 1957. С. 159.

⁵ Слово о полку Игореве. СПб., 1898. С. 10.

Ведь если ислам – Аллаху служенье,
Нам жить в исламе и в нем умереть.

«Хикмет-наме», Гете

1. Распространение и официальное принятие ислама на Кавказе и на Волге

Еще при жизни пророка Мухаммеда спустя где-то двадцать лет после начала его проповеди почти весь арабский мир принял новую религию. Изучая распространение ислама на Кавказе и в Поволжье, приходится признать, что оказались более убедительными не теологические аргументы, а сила оружия. Арабская армия состояла первоначально из небольших, но воинственных конных отрядов кочевников-бедуинов. Однако во главе бедуинов стояли знатные горожане Мекки и Медины, «вооруженные» новой молодой религией, приемлемой как для оседлых земледельцев, так и для кочевников Кавказа и Евразии.

После смерти пророка Мухаммеда в 632 г. политическая ситуация на севере арабского мира сложилась под влиянием ирано-византийской войны, в которой немаловажную роль играло Хазарское государство, поддерживавшее византийскую корону. Именно в этом направлении началось более интенсивное распространение ислама.

Сподвижником пророка Мухаммеда первым халифом Абубекром (632–634) для распространения ислама на север к верховьям Евфрата был направлен Халид бен ал-Валид. Халид располагал небольшим двухтысячным отрядом и выехал в месяц Мухаррам (633 г.). По пути отряд Халида «обрастал» бедуинами, принимавшими ислам. По словам одного из бедуинов: «Напал на нас Халид бен ал-Валид со своей конницей, и мы сказали: «Мы мусульмане!» Тогда он оставил нас в покое, и мы вместе с ним совершили поход»¹.

Постепенно дружина Халида достигла 10 тыс. воинов. Халид жестоко расправлялся с арабами, не пожелавшими принять ислам. Продвигаясь на север, он одерживал одну победу за другой над язычниками и вскоре столкнулся с персидскими войсками. Два персидских полководца Зармихр и Рузбех вышли со своими войсками для поддержки своих союзников арабов-таглибитов со стороны персидской деревни Багдад, будущей столицы халифата. Бой с основными силами персов завязался в ал-Хусайда, оба полководца погибли в сражении, а остатки их армии разбежались.

Халид не довольствовался разгромом таглибитов и их союзников, а двинулся вверх по Евфрату, где в пределах Византийской империи собирала силы вторая группа таглибитов. В ночной атаке таглибиты были разгромлены, а оставшиеся отступили, но дальнейшее преследование врагов на территории Византии грозила Халиду столкнуться с силами императора.

Однако избежать столкновения с более могущественными врагами Халиду все же не удалось. Обратную дорогу ему преградила смешанная арабо-византийско-персидская армия из частей пограничных гарнизонов и остатков таглибитов. Халиду удалось разгромить наголову объединенные силы противника, и 800-километровый поход, начавшийся без подготовки, всего с двухтысячным отрядом, завершился благополучно.

Указанный поход характеризует не только талант Халида и его тактику, но и преимущество его армии, понимание воинами того, что новая религия требует подчинения общему делу, стоящему над личными желаниями и отношениями. Это было проявление превосходства молодого Арабского государства, вооруженного новой идеологией, над защитниками индивидуальных интересов.

Вскоре арабы обратили свои взоры в сторону Ирака и, особенно, Хазарского государства – могущественного союзника Византии в бесконечной войне с персами. Дальнейшее распространение ислама на севере связано уже с деятельностью следующего халифа Омара (634–644 гг.).

В 637 г. мусульмане разбили войска последнего представителя династии Сасанидов Ездигера III (632–651 гг.) и захватили столицу Ирана Ксетифон. После этой крупной победы открылся путь на Кавказ. Согласно сообщению известного арабского историка ат-Табари (839–923), после бегства в 637 г. Ездигера сына Шахрийара «разошлись (их дальнейшие) пути с жителями Азербайджана и ал-Баба (Тимер-Капуг, Дербента)»¹. Центром становится расположенный в Ираке военный лагерь Куфа (635–637 гг.), ставший впоследствии не только очагом культуры и торговли, но и столицей халифата. Там же впоследствии начинается чеканка так называемых куфических дирхемов.

В 639 г. Азербайджан был полностью завоеван Букайрой ибн Абдуллахом. Сохранился документ, составленный после присоединения Азербайджана между халифом Омаром и жителями Азербайджана, в котором говорится, что даруется со стороны «Умара ибн Хаттаба, повелителя верующих, жителям Азербайджана, жителям его равнин и гор, его окраин, жителям его религиозной общины. Всем им гарантируется безопасность (аман), имущество (мал) религиозной общины и (соблюдение) их законов (шариата) с условием уплаты ими джизьи в силу своих возможностей (но не налагается джизья на подростков, на женщин, не имеющих средств к существованию, на отшельников, богомольцев, не имеющих никаких доходов...)». Составлено в 639 году»².

Вскоре новым полководцем на Кавказе халифом Омаром был назначен Сурака ибн Амр, под руководством которого Букайра и Абдурахман выступили из Азербайджана в ал-Баб. Предвидя опасность похода халиф Омар в помощь Сураке назначил Хабиба ибн Масламу. Поход оказался удачным, так как правитель ал-Баба Шахрбараз, перс по происхождению, обратился с письмом арабскому военачальнику Абдурахману и просил освобождения от позорного джизьи: «...я повинуюсь тому, чему и вы, да благословит Аллах нас и вас». Сурака объяснил назначение джизьи: «Джизья непременно взывается с того, кто остается (дома) и не участвует (в борьбе с врагом). И стало это обычаем...» Далее был составлен договор с правителем Дербента Шахрбаразом: «...то же, что и на жителя Азербайджана»³.

¹ Шахсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. С. 71.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 72.

¹ Большаков О.В. История халифата. М., 1989.

После этого Сурака послал Букайру, Масламу и некоторых других военачальников на жителей гор, окружающих Армению, на Тифлис и т.д. Обо всех этих событиях и о победе мусульман над язычниками Сурака сообщил халифу. Но вскоре военачальник умер. Когда весть о его смерти дошла до халифа Омара, то он назначил полководцем Абдурахмана и приказал ему совершить поход против **тюрков**. Это было первое столкновение с Хазарским каганатом – государством тюрков.

После образования в VI в. Тюркского каганата, простиравшегося от Алтая до Крыма, различные гунно-тюркские племена: хазары, булгары, сувары, даже мадьяры и т.п., стали называться «тюрьками», что в буквальном смысле означало: «входивший в состав государства».

Еще в гуннский период в V в. после смерти Атиллы держава гуннов распалась на отдельные государства. На западе образовалось молодое государство – Аварский каганат, получившее название от имени авар – сильного гуннского племени. На востоке также образовалось государство – Хазарский каганат (название от имени племени хазар). В период распространения ислама на Кавказе такие столичные города хазар, как Беленджер или Семендер, были расположены на Северном Кавказе, на Кубани – «земле гуннов». В произведении «Кысса-и Йусуф» указанные земли упоминаются как «Канган», т.е. – «владение кагана».

Согласно приказу халифа Омара Абдурахман, собрав войска для похода на хазар, выехал из Дербента. Как передает ат-Табари, Шахрбараз спросил Абдурахмана: «Что ты хочешь делать?» Тот ответил: «Я хочу (совершить поход на) Беленджер», т.е. на столицу хазар. Шахрбараз сказал: «Поистине мы должны быть довольны ими (хазарами), если они оставляют нас (в покое) за ал-Бабом». Абдурахман горделиво ответил: «Зато мы будем недовольны, пока не застигнем их в собственной стране»¹.

Абдурахман не давал себе отчета в том, с каким сильным врагом ислама он столкнется. Правда первый поход оказался удачным. Его конница достигла ставки кагана хазар, ал-Байду, которая была расположена в 200 фарсах от Беленджера на Волге. Однако дальнейшие столкновения с хазарами становились все более упорными. Халиф Усман (644–656 гг.) предупредил Абдурахмана: «Ты останови (дальнейшее продвижение) и не подвергай мусульман опасности». Однако, как сообщает ат-Табари, он не прекращал походы на Беленджер, пока не был разгромлен хазарами в 635 г. и убит.

Война с хазарами приобрела длительный характер. Она шла с переменным успехом. Например, в 724 г. правителем Закавказья был назначен не знающий поражений полководец Маслама. В 724 г. Маслама организовал крупный поход в Хазарию, но потерпел поражение.

Другой полководец Джеррах был разгромлен сыном царя хазар Барджилом в 730 г. и убит. Однако беспрестанные атаки «вооруженных» новой религией арабов ошеломили хазар. По словам ат-Табари, переданным с уст воина из племени Бану: «Когда походы (мусульман) на хазар последовали друг за другом, то они стали роптать и порицать, говоря: «Мы были народом, никто не подступал к нам, пока не пришел этот малочисленный народ...» Они (хазары) говорили друг другу: «Подлинно, они не умирают, если они умирали бы, то не бросались бы смело на нас»².

¹ Шахсаидов А.Р. Указ. соч. С. 74.

² Там же. С. 74.

Легкость процедуры принятия ислама, для чего, как видно из приведенных примеров, достаточно было признать над собой Аллаха и участвовать в деяниях мусульман, содействовала его быстрому распространению на Кавказе. Однако до официального принятия ислама хазарами было еще далеко. Византийцы, как и в войне с персами, в столкновениях с арабами старались использовать хазар в качестве живого щита. В 732 г. император Лев Исавр женил своего сына Константина на дочери кагана, которую звали Цицек – цветок.

Официальное принятие ислама в Поволжье связано с именем полководца Мервана ибн Мухаммеда, назначенного Халифом Гишамом (724–743 гг.) правителем Закавказья. В 733 г. он предпринял несколько походов на подвластные хазарам племена и запросил у халифа дополнительно 12 тыс. воинов для борьбы с хазарами.

Мерван в войне с хазарами действовал не только силой, но и искал разные дипломатические пути. В 735 г. он отправил войска на Кавказ против подвластных кагану племен, а сам отправил посольство правителю хазар с предложением мира. Каган в ответ на посольство Мервана также отправил посла. Однако Мерван в 737 г. задержал посла. Во главе 150-тысячного войска Мерван ворвался в хазарские земли. Лишь после этого он освободил хазарского посла. Сообщение посла о вторжении огромного арабского войска было совершенно неожиданным для кагана, и он вынужден был бежать на север, оставив новую столицу Итиль в устье Волги.

Мерван же ускоренным маршем преследовал кагана, по пути разоряя подвластные кагану племена буртасов (мордвы). Кстати, последнее свидетельствует, что Мерван шел на север именно по правому берегу Волги. Хазарские войска находились на левом берегу. Мерван ночью переправился на левый берег, а его разведчики в случайной стычке убили полководца хазар. Обезглавленное и не ожидавшее наступления врага хазарское войско было разгромлено. Каган запросил мира. Мерван потребовал принятия ислама хазарами.

Хазарский каган пожелал при помощи толкователей ознакомиться с основными канонами религии, а потом принял ислам. Таким образом, **в 737 г. состоялось официальное принятие ислама** Хазарским каганатом. Главную роль в этом грандиозном событии сыграл со своим войском Мерван ибн Мухаммед, который впоследствии стал халифом (744–750 гг.).

Об официальном принятии ислама хазарами свидетельствуют и многочисленные источники поволжского характера: массовая чеканка почерком «куфи» дирхемов в столичном городе Итиле, основанном на арабской графике.

По поводу принятия ислама известный петербургский нумизмат А.А.Быков писал: «Сторонники ислама в VIII в. и в начале IX в. являлись в Хазарии носителями одной из наиболее передовых культур, с которыми приходилось сталкиваться хазарам»¹.

В XIX в. наиболее ярко выразился о роли Хазарского государства в истории Восточной Европы другой востоковед Петербурга В.Григорьев: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, цветущую обширную торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безразличие, фанатизм и глубокое невежество владычествовали над Евро-

¹ Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии VIII–X вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. 3. С. 30.

пой, держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру люди стекались в нее отовсюду»¹.

После принятия ислама в городах хазар открывались школы и мечети. Но самым любопытным фактом для раннего средневековья истории хазар являлось строительство в городах христианских храмов и синагог. О том, что в окружении царя хазар было «около четырех тысяч человек, хазар мусульман, христиан и иудеев; среди них и поклоняющиеся идолам; меньшую часть составляют иудеи, а большую – мусульмане и христиане», писал ал-Истахри (849–934)².

Распространение ислама среди хазар не являлось безоблачным. В 750 г. был убит халиф Мерван ибн Мухаммед, который, еще будучи наместником на Кавказе, предпринял поход на Волгу, и с его смертью, видимо, обычный льготный договор, составленный между ним и хазарским каганом, потерял в какой-то мере свою силу. К власти в лице халифа Абул Аббаса (750–754 гг.), прозвищем которого было «Саффах» (кровопийца), пришла новая династия Аббасидов.

При правлении следующего халифа Мансура (754–775 гг.) были проведены некоторые реформы в учении ислама. Видимо, не случайно Мансур не признавал не только Испания, где правили еще Омейяды, не уничтоженные Абул Аббасом, но и Северная Африка. А Египет признал лишь номинально. Аббасидский переворот вызвал ряд опасных для ислама религиозных движений и в Средней Азии.

В окружении персидских сатрапов халиф Мансур предпринял поход на хазарские владения Кавказа, дошел до районов Баку и обложил данью нефтяные источники³. Нефть (по-арабски – «нафта») использовалась арабами с сифоном. Данное оружие впоследствии заимствовали и византийцы («греческий огонь»).

Усиление влияния персов при дворе Аббасидов, захват Мансуром областей Кавказа, через которые проходили весьма важные для хазар торговые пути и где издревле скрещивались интересы Ирана и Хазарии, привели к разрыву отношений Хазарского каганата с халифом Мансуром.

Хазарского кагана окружали не только сторонники Омейядов, бежавшие из халифата, но и иудеи. Под их влиянием часть населения приняло иудаизм. Разрыв взаимоотношений с халифом прослеживается по хазарским дирхемам. Они продолжали выпускаться заведомо по старому традиционному омейядскому типу.

2. Высокоработное земледелие и кочевой образ жизни в древнетюркском обществе

...Великая Булгария – последняя страна, имеющая города.

Вильгельм де Рубрук

Ни Хазарская империя (VII–X вв.) – первое феодальное государство Восточной Европы, ни ее наследница, возникшая после ее раздробления, – Великая Булгария (X–XIII вв.), с многочисленными городами и расположенными на Волге столицами Итилем на Нижней и Булгаром на Средней Волге, не являлись «кочевыми государствами».

¹ Григорьев В.В. О двойственности власти у хазар // ЖМНП. 1834. С. 66.

² Захотер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. С. 45.

³ Ллойд С. Реки-близнецы. М., 1972. С. 166.

Эта формулировка – современное, рассчитанное на широкий круг читателей, оскорбительное, тенденциозное и политизированное клише. Оно означает, что будто бы кочевой образ жизни в **безводных солончаковых** степях, которую вели некоторые кочевые племена, входившие в состав вышеуказанных высокоразвитых государств, определяет их общественный строй.

Некоторые самарские историки дошли в своей, я бы сказал, сознательной идеологической ограниченности до того, например, что стали утверждать, что до завоеваний Ивана Грозного на Волге обитали полуголые кочевые племена, которые проживали в своих шатрах наподобие индейцев Канады. Об этом свидетельствуют выпущенные Самарским областным историко-краеведческим музеем буклеты в форме календарей с фотографиями археологических находок с выставки «Хозяева степей: древние кочевники России и Канады».

Все бы ничего, но среди экспонатов имеются вырезанные на костяных пластинках изображения прекрасно вооруженных, с великолепными доспехами в виде шлемов, с кольчугами, предположительно хазарских воинов. В Археологическом музее КГУ также имеется относящееся к гуннам, т.е. предкам хазар и булгар, и обнаруженное в Тураевском курганном могильнике РТ известным археологом В.Генингом аналогичное вооружение (прямой двуручный меч, шлем и кольчуга). Подобные передовые средства войны в раннем средневековье не были известны не только европейцам, но и римлянам или византийцам, пользовавшимся в бою короткими мечами – гладиусами, от которого, кстати, произошло слово гладиатор. Вот тебе и «кочевники»! (рис.13.)

Возможно, так далеко заходить и не нужно. Стоило бы, может быть, самарским историкам, проявив внимательность, всмотреться в средневековые карты Поволжья,

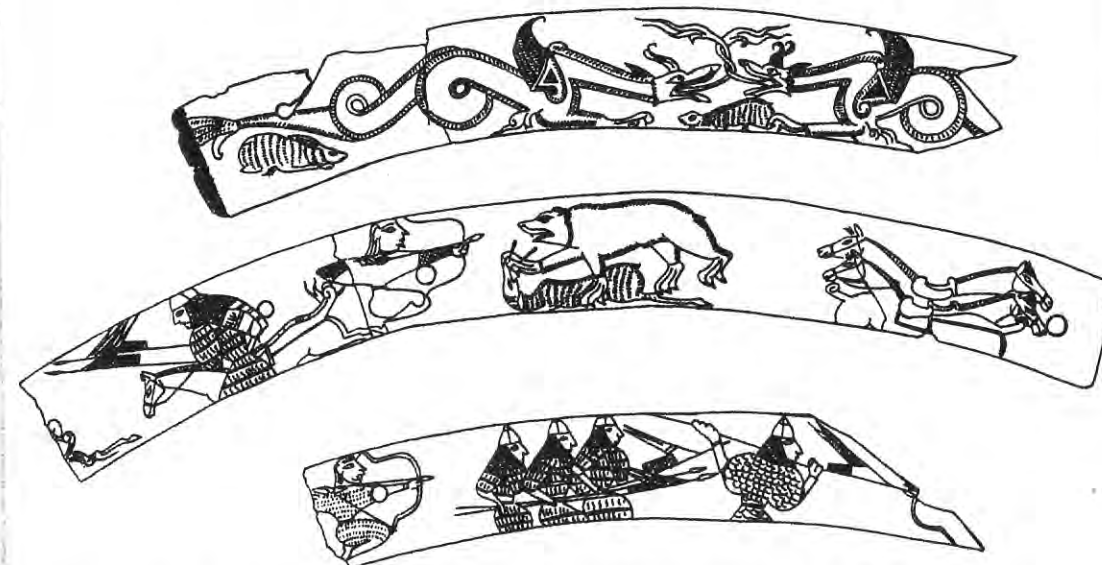

Рис. 13. Сцены сражения на обкладке лука седла (раскопки Р.С.Багаутдинова)

где указаны и изображены около полутора десятков построенных «кочевниками» достаточно крупных городов Восточной Европы, в том числе город **Самара** (Самар)!

Из расположения городов на картах, кстати, видно, что позднее колонизация Поволжья от Казани до Астрахани русскими шла не по степям и шатрам, а по городам и другим обжитым населенным пунктам. Пришлые разрушали древние грандиозные гробницы и культовые сооружения ради кирпича, камня и железа для строительства, например, Астраханского кремля. Кстати сказать, данный ценный строительный материал продолжали называть татарским словом «кирпич». Почему бы это?

В отличие от татарской общественности Саратова, желающей отметить действительный юбилей своего города по древнему городищу, самарцы на карты или яркие древние убедительные археологические материалы смотреть не хотят – их глаза застилает муть гордыни. Справедливости ради следует сказать, что и в Самаре имеется некоторое продвижение вперед, но они считают ниже своего достоинства копаться в древностях «кочевников». Хотят датировать возникновение своего города начиная с поездки митрополита Алексия I в XIV в. по Волге.

Как показывают, например, археологические раскопки Великого Новгорода, русские в XIV в. писали в основном на бересте или на пергаменте. Позднее же, в XVI–XVIII вв., происходит бурное летописание на бумаге и, главное, бойкое редактирование почти всех летописей, связанное с воинствующей идеологией иосифлян. Так где же найти достоверные первоисточники о возникновении древнего города? Чем же не устраивают известные карты XIV в., четко и хорошо датирующие наличие соответствующих городов временем составления их средневековыми европейскими картографами?

Идея общественности города о праздновании 700-летия г. Саратова по древнему городищу, расположенному на территории современного города, была подержана бывшими губернаторами области. Как решит данную проблему новый губернатор, пока нам неизвестно. Конечно, желательно бы, чтобы вопрос был решен научно обоснованно, законно и гуманно.

Хазария и Великая Булгария с многочисленными городами на Волге, Дону, Северном Кавказе и в Крыму (например **Керч**; кстати, еще в XV–XVI вв. итальянские торговые люди крымчан называли «хазарами») являлись не только мировыми торговыми державами, но и центрами чеканки монет, о чем свидетельствуют чеканенные в них сотни тысяч монет. Города этих государств являлись и хлебными, поскольку вокруг них располагались многочисленные деревни и села (по-татарски – «сала») «кочевников».

Известный татарский поэт Кутб в своей стихотворной книге «Хосров и Ширин», написанной в 1342 г., описывая похождения своего героя, искавшего свою любимую, например, пишет:

Кичер ашып саладин бер салага,
Салып ялгыз башин монтиг бәләгә.

Перевод:

С головушкою, наполненной горем,
Пересекал одно село за другим селом.

Однако, с другой стороны, по прихоти природы указанные государства действительно располагали и засушливыми степными районами, иногда солончаковыми, где обитали кочевники. В таких районах они занимались животноводством, особенно коневодством. Не вызывает сомнения, что прекрасные кони составляли цвет кавалерии, в том числе как средства передвижения обеспечивали благополу-

чие горожан. Судя по средневековым источникам, у некоторых богатых степняков иногда имелись табуны в тысячи коней! Интенсивное развитие коневодства не являлось пороком, а наоборот, оно соответствовало бурному развитию техники нашего времени.

Кстати, на стенах Института истории АН РТ и Национального культурного центра «Казань» до сих пор висят небольшие картины в рамках некоего М.К. Горелика. На них изображены тюрко-татарские воины (можно подумать карикатура на негроидную расу, по виду – гангстеры) верхом чуть ли не на козлах, то бишь на малорослых конях. Напрашивается вопрос, ради чего же он старается оскорбить древних тюрков или татарский народ, изображая неприличные шаржи? Как человек, который достаточно знаком с данными археологии, он прекрасно знает материалы своего земляка, московского антрополога Л.Т. Яблонского. С восстановленного по черепам физического облика тюрко-татар, обнаруженных в погребениях и склепах Среднего и Нижнего Поволжья, сложно определить возраст человека, поскольку почти каждый череп имеет 32 зуба. Он комментирует восстановленные по черепам рисунки и пишет, что «формообразующую роль в этногенезе тюркоязычных народов Поволжья сыграл мезоморфный брахикранный европеоидный компонент, известный на территории Нижнего Поволжья именно с сарматского времени», т.е. с начала н.э.

Относительно коней-лилипутов следует сказать, похоже, М.К. Горелик представления не имеет, что в тюрко-татарском языке имеется около десятка названий породы коней. Некоторые из них даже вошли в русский язык, например лошадь («алаша ат» – мерин) или боевой конь – «аргамак». Изображенные под «гангстерами» на картинах господина М.К. Горелика кони – это «кочут» (от тюркского слова «кочевать») – степные вольные лошади, которых держали на мясо.

Уважающие себя воины садились на боевых коней – аргамаков (по-тюркски означает «сильный»). Во время походов же воины для того, чтобы поберечь коней для решающих сражений, садились на специальных «запасных» коней, которые назывались «куш ат».

По этому поводу интересную мысль высказал известный персидский поэт Омар Хайям: «В прошлые времена никакой народ не знал коней – их достоинств и пороков – лучше персов, потому что тогда они владели миром... Сегодня никакой народ не знает этого лучше **тюрков**, потому что они день и ночь занимаются конем, и поэтому они **владеют миром**»¹.

Но, как свидетельствуют археологические и письменные источники, в указанных государствах на первом месте все же стояли весьма почитаемое земледельческое сословие и высокоразвитое земледелие, получившее широкое распространение в районах с плодородной почвой.

Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки: орудия земледелия у хазар и болгар. Впервые в Восточной Европе они создали и использовали достаточно хорошо продуманный железный сабан со специальным приспособлением – резаком. Иногда недоброжелатели пишут, что болгарские плуги были тяжелыми, поэтому будто бы они не получили широкого распространения. Подобное утверждение не соответствует действительности. Подобные сабаны в десять раз были легче современного, применяемого в сельской местности желез-

¹ Бакиров М. Шигърийат бишеге. Гомумторки поэзиянец яралуы һәм иң борынғы формалары. Казан, 2001. 277 б.

ного плуга. Дело в том, что, кроме железного наплужника, все прочие детали, включая колеса, были деревянными.

Хотя ради справедливости следует еще раз упомянуть о не менее интересных, отлитых из *чугуна* (производством чугуна гунны занимались в течение двух тысяч лет до европейцев!) сошниках, обнаруженных в поселениях предков тюрков-гуннов II–I вв. до н.э. в Прибайкалье. Только в раскопках Иволгинского селища обнаружено 24 таких сошника! Пожалуй, трудно даже найти аналогичную, высокую оседлую культуру не только в Восточной, но и в Западной Европе данного периода!

Следует упомянуть также земледельческие термины. До нас дошли не только сами орудия труда, но и сохранились их названия: «сабан», «соха», «китмен», «урак» (серб), «чалгы» (коса), а также «арык», «тегермен» (мельница) и т.д., и т.п. Не менее интересны сохранившиеся злаки (обугленные) и их названия: «арпа» (ячмень), «бодай» (пшеница), «борчак» (горох), «борай» (полба), «тары» (просо), «орлык», «уруг» (семена) и т.д., и т.п., которые являются словами чисто тюрко-татарского происхождения.

Иногда подобного рода средневековая тюрко-татарская терминология поражает своим богатством и обилием. Например, поэтом Кутбом в упомянутой стихотворной книге «Хосров и Ширин» (1342), посвященной сыну султана (официальный титул по монетам и документам) Узбека царевичу Тинибеку и его жене – иракской царевне, сказано (и как ведь сказано!):

Перевод:
Уругны кем салыр йиргә – игенче,
Игенләр унды Хакдин, рәхмәт инде.
Кто положит в землю семя – хлебобор,
Хлеба уродились, спасибо Справедливому.

Или:
Кайчан кем ният изге кылса илхан,
Күп ашлык унар ул ел шур йирдән!

Перевод:
Когда в намерении правителя страной доброта,
Даже в солончаке много хлебов уродится тогда!¹

В стихах поэта Юсуфа Баласагуни в книге «Благословенное знание» (XI в.) указаны основные сословия в тюркском обществе. В них объясняются и перечисляются, какими должны быть подходы со стороны властей в отношении разных сословий: ученых, земледельцев, торговцев, ремесленников, кочевников, черного люда и бедняков. Относительно земледельцев подчеркивается, что **«во всей стране люди и животные живут благодаря сельскому хозяйству, земледельцы обеспечивают каждого питанием и питьем»**. В отношении кочевников говорится, что **«у них много скота. Они простые, но любящие правду прямые люди. Среди них не бывает ученых. Они никому не причиняют вреда, но они всем полезны»**.

Когда речь заходит о кочевниках, конечно сразу же вспоминаются сообщения киевских летописцев. Однако Хазарское или Булгарское государства никогда не вели крупные военные действия против русских. Русские сами решали свои земельные проблемы с пограничными, кочующими посезонно в определенном районе, небольшими племенами. За редкими исключениями, типа печенежского втор-

жения или монгольского нашествия, хазары и булгары никогда не угрожали самому существованию Киевского государства. Даже в период существования в составе «Золотой Орды» подобные стычки имели место быть и, судя по исследованиям археологов, «законная» в составе единого государства колонизация «пустующих» земель славянским населением продолжалась на юг и восток!

Интересно напомнить, что «Благословенное знание» достаточно хорошо знали на Волге даже простые ремесленники, о чем свидетельствуют великолепные по содержанию двусторонние, нанесенные гончаром на кувшин. Одно из них гласит:

Тагы күрк кешегә – белек һәм һөнәр,
Юлык кылгу жанны белеклеккә, эр!

Перевод:

Еще красит человека – знание и искусство,
Принеси душу в жертву за знание, человек!

Следует также сказать о создании и развитии международной торговли и обмена. Хазарские и булгарские города Поволжья и торговые люди вели интенсивную торговлю с Арабским халифатом. После принятия хазарами в VIII в. (737 г.) ислама Итиль, чуть позднее Булгар стали чеканить монеты, подражающие арабским дирхемам, и обеспечивали монетным серебром не только восточных славян, но и государства Центральной и Северной Европы (их находят даже в Англии!).

На исторических факультетах университетов студенты годами изучают статьи древнерусского свода законов «Русской Правды». Однако зачастую они понятия не имеют, какие же монеты обращались в тот период. А также о том, что упомянутые в законах штрафы за кражу третьяка (теленка) или дергание за бороду достойного человека, нужно было платить звонкими серебряными монетами, которые распространялись путем торговли и обмена из хазаро-булгарских городов Поволжья!

Если с некоторым элементарным уважением относиться к истории других народов и внимательнее рассмотреть свою собственную историю, то многое станет очевидным. Напри-

Рис. 14. Хазарская золотая монета

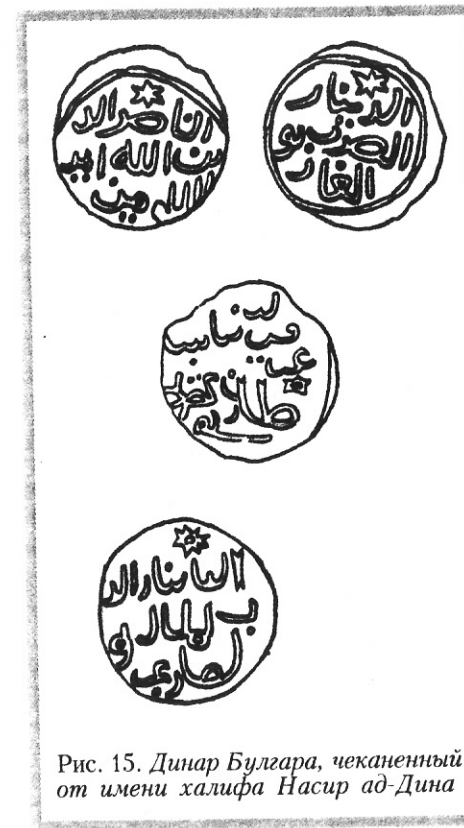

Рис. 15. Динар Булгара, чеканенный от имени халифа Насир ад-Дина

¹ Госман Х. Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы. 87 б.

мер, в основном процессы торговли и обмена, в том числе всей средневековой русской денежной системы, возникли под влиянием татарской культуры. Первые монеты Москвы чеканились в период правления Дмитрия Донского, его сына и даже внуков, подражая татарским монетам султана Токтамыша. Удельным правителям великим князем было запрещено помещать на своих монетах имя и титулы Токтамыша, поскольку они являлись признаком суверенитета. Денежное обращение (и не только!) было пропитано высоко цивилизованной, не характерной для кочевников (не в Монголии же монеты чеканились и обращались!) тюрко-татарской терминологией. Например, достаточно привести такие общеизвестные слова, как: «алтын», «артель», «базар», «денга», «казна», «казначей», «пул» (медные монеты времен Ивана Грозного), «сумма», «товар», «товарищи» («товар иши» – напарник по товару), «кафтан», «штаны», «кирпич», «чугун», «утюг» и т.д., и т.п. Последнее слово, кстати, зафиксировано в словаре известным филологом XI в. М.Кашгари.

Возможно, все эти факты являются военной тайной за семью печатями. Например, в учебнике по «Российской истории» для 6 класса первому и крупнейшему в Восточной Европе феодальному государству хазар раннего средневековья и его наследнице Великой Булгарии в совокупности отведено всего две странички!¹

Похоже, объективное изучение древнейшей гунно-тюрко-татарской (евразийской) цивилизации с центрами, расположенными на Волге, ничего не значит для российских историков. Знай-умей, как это принято, злословить и издеваться над другими народами, обзывая их (хотя и примитивно, но как удобно! Не нужно даже изучать историю!) «кочевниками» или «татаро-монголами». Последнее клише, кстати, впервые было употреблено и введено в научный оборот в наше время в XIX в. профессором Петербургского университета П.Наумовым. Хотя автор сам же писал, что «сии свирепые кочевники являлись не татарами, а монголами». А «татарами» (от китайского «да да» – варвар, кочевник) в то время обзывали почти все восточные народы, входившие в состав Российской империи: жителей Поволжья, Крыма, Дагестана, Чечни, Азербайджана (почитайте труды Н.Карамзина или рассказы Л.Толстого!) и т.д. и т.п.

Думается, почему бы объективно не писать и о том, что с завоевательными походами «оседлых» народов тоже не все было так благопристойно и безоблачно. Они по жестокости из-за фанатичных религиозных мотивов были гораздо страшнее язычников-монголов и происходили с систематическим истреблением отдельных народов. Например, Василий Шуйский наказывал своим воеводам: «...черемису и татар побивати, и жен их, и детей в полон имати и животы (имущество) грабити и деревни жечь». Не случайно в свое время профессор А.Х.Халиков написал книгу о 500 известных татарских фамилиях. Например, Айвазовский, Гоголь, Державин, Карамзин, Куприн, Кутузов, Праханов, Сабуров, Тургенев, Юсупов и т.д., которые перешли на русскую службу. Тогда молодым людям типа скинхедов, которые продолжают убивать безвинных людей, стало бы ясно, что они не такие уж «чистокровные».

Представляется, что нет никакого смысла стесняться также татарских корней городов Поволжья. Нужно уметь гордиться таким высокоцивилизованным наследием! Профессор Сорбонны татарский историк Садри Максуди, еще будучи мо-

лодым, в 1917 г. в Уфе говорил, что «наши предки создали великую цивилизацию». Даже в городах средней руки, расположенных на Волге, археологи находят этому подтверждения. Например, в городище Белджамен, расположенном на берегу рядом с г. Дубовка (между Волгоградом и Саратовым), нами были раскопаны остатки великолепной мечети и домов горожан. Они были сложены из саманного или обожженного кирпича, иногда с централизованным отоплением (на несколько домов). Большие богатые дома часто с водопроводными трубами, а для теплой воды трубы протянуты по подземным отопительным каналам. Кстати, был найден и медный самовар, по форме изготовленный как обычный глиняный горшок, но с внутренней трубой-топкой для угля и булгарской тамгой, напоминающей букву «А» на доньшке.

Татарский поэт выходец из Камышина на Волге Саиф Сарай еще за 140 лет до Коперника писал, что Земля вертится вокруг Солнца:

Увидев Сухайла, разом закружилась она,
Будто Земля движется вокруг Светила.

Но, к сожалению, обычное пренебрежительное негативное отношение городских властей Астрахани, Волгограда, Камышина, Дубовки (Белджамена), Саратова, Самары, Ульяновска (Симбирска) к древним татарским археологическим памятникам имеет адекватное влияние и на поведение населения всего Поволжья. Все разрушается, раскапывается и ломается, как будто люди находятся на вражеской территории. Такое отношение пришлось увидеть автору данных строк как-то в 1957 г., когда служил на Балтике машинистом-турбинистом на эсминце. Бульдозером срезали и разрушали целые гектары мраморных памятников одного из кладбищ города Калининграда...

К чести властей Астраханской области следует сказать, что на некоторых древних городищах ведутся исследовательские работы. Например, на расположенном южнее Астрахани острове находится, судя по культурным напластованиям, хазаро-булгаро-татарское городище Самоделкино (Саксин). Также на месте столичного города Сарая ал-Махруса (Селитренного городища), музея-заповедника, директором которого является кандидат исторических наук Е.М.Пигарев, на берегу Ахтубы ведутся ежегодные научные охранные археологические раскопки.

Кстати, впервые за более чем сорокалетние раскопки был торжественно отмечен день археолога 15 августа 2008 г. с участием областной и местной администрации с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области. Чувствовалась мечта администрации края превратить разграбленный веками уникальный археологический памятник – руины средневекового столичного города Сарая ал-Махруса – в желанное место для посещения туристов. Праздник напоминал достаточно большой сабантуй районного масштаба с торжественными выступлениями эстрады, играми и даже гонками на современных машинах. В торжественной обстановке были вручены похвальные грамоты, в том числе автору, от имени руководства Астраханской области.

Однако в Астрахани, кремль которой имеет мощные стены и где расположены грандиозные соборы, построенные из квадратных татарских кирпичей, под которыми покоятся археологические слои древнего Хаджитархана (IX в.), отметили в 2008 г. не 1000-летний, а 450-летний юбилей города...

Еще в 70-е гг. прошлого века, будучи студентами, мы с ныне покойным профессором МГУ Г.А.Федоровым-Давыдовым установили по окраинам Водянского

¹ Данилов А.А., Данилов Д.Д., Козлов В.А., Тынин С.В. Российская история (6 класс). М., 2002. С. 25–26.

(Белджамен) и Царевского (Сарай ал-Джедид) городищ крупные каменные охранные блоки-указатели.

На них были прикреплены отлитые на волгоградском тракторном заводе чугунные плиты с указанием названий городов, времени их существования и того, что они охраняются законом. Все эти плиты разбиты – остались лишь крошки от цемента, т.е. практически не осталось от них и следа... Можно только удивляться, каким образом воинствующие иосифляне, пришедшие к власти в первой половине XVI в., (ранее такой ненависти не существовало!), смогли воспитать в народе такую ненависть к своим согражданам... Как говорится, голову можно дать на отсечение, что в достаточно богатой средневековой тюрко-татарской литературе в тысячи и тысячи строк вы не найдете ни единого слова, направленного против русского или других народов! Так что все это не может быть карой народа за какие-то вымышленные прегрешения прошлых времен...

В Царевском городище, например, «черными археологами» ведутся, вообще, какие-то беспорядочные раскопки. Поскольку они технически достаточно хорошо вооружены и имеют при себе специальные приборы, оставленные ими ямы означают: здесь что-то нашли. Если это рядовой, хотя и важный для ученых материал – выбрасывают. Если же редкий и ценный предмет – «уплывает» по традиции на Запад. Например, многочисленные художественно выполненные сосуды из драгоценных металлов из разграбленных курганов Поволжья, Приуралья и Причерноморья украшают стенды музеев многих столичных городов Европы и Америки...

Стоишь на краю такого грабительского раскопа-котлована и невольно думаешь: дикое разрушительное варварское нашествие... то ли шло с Востока, то ли – с Запада...

3. Язык и литература Великой Булгарии

Проблема языка и литературы Великой Булгарии хорошо известна и достаточно подробно исследована. Историки, археологи и этнографы обычно с некоторым пренебрежением относятся к болгарскому периоду и, наоборот, преувеличивают роль ордынского периода в формировании татарского народа. Автора данных строк, должен сказать, удивляет подобная, не то что недостаточная информированность, а невнимательность к некоторым важным **элементам** истории болгар домонгольского периода, богатого и развитого языка *тюрки* Поволжья, литературы и исламской идеологии в духовной культуре населения. Они естественно продолжали существовать и являлись основными элементами духовной культуры общества и позднее, в ордынский период, разрушившими вдребезги языческие устои оставшихся в Восточной Европе монголов, если таковые имелись после преобразований и реформ принявшего ислам **султана Берке хана**. Поэтому хотелось бы указать на данную проблематику, хотя она в общем достаточно хорошо исследована отдельными учеными.

Золотой ковш. Естественно, что известная поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» не является единственным примером использования татарского языка (гунно-хазаро-булгарского, т.е. кыпчакского *тюрки*) не только в литературе, но и в быту в раннеисламский период. Например, в Эрмитаже сохранился прекрасно орнаментированный, великолепный золотой ковш с уникальной надписью (рис. 16).

Ковш поступил в начале XVIII в. в коллекцию Кунсткамеры. Впервые на

него обратил внимание Х.М.Френ¹. Надпись читается следующим образом: «Сәнәи, Хәзрәт Мәккәдин Мәдинәга баргали, алты йөр ун ити». Он перевел надпись следующим образом: *В году: с тех пор как господин (пророк Мухаммед) ушел из Мекки в Медину (прошло) шестьсот семнадцать (лет).*

Известный ученый, научный сотрудник Эрмитажа М.Г.Крамаровский в своей, посвященной указанному ковшу, статье приводит варианты чтения и некоторых других авторов. Однако профессор Казанского университета Х.М.Френ являлся ученым, который прежде чем что-то сказать сто раз подумывал и взвешивал. Его чтение в основном не вызывает сомнения.

Согласно М.Г.Крамаровскому, надпись вместе с орнаментикой ковша сделаны **одновременно** и составляют единый декоративный комплекс. Действительно, не только в орнаментике, но и в оформлении надписи чувствуется тонкая рука одного и того же мастера.

Л.Ю.Тугушева в своей статье обращает внимание на особенности графики отдельных букв надписи. Например, буква «с» с излишними **тремя** точками внизу или написание числительного «йөр» вместо «йөз» (сто). В закономерных особенностях надписи она совершенно справедливо видит «основание для отнесения ее к поволжско-тюркскому ареалу»².

Но один вопрос в рассуждениях ученых остается нерешенным. Почему же такая прекрасная надпись на не менее прекрасном ковше из золота выполнена тайнописью, т.е. **зеркально**, требующей еще большего мастерства и не менее большего труда ее исполнения?

Невольно возникает и другой вопрос: что же означает сама дата 617 г. по х. (1220–1221)? Если бы она указывала на время изготовления сосуда, то почему же она выполнена так (зеркально), что не каждый может прочесть ее содержание? Это явно не дата изготовления ковша, иначе трудно понять почему же она скрыта от глаз простых смертных?

Думается, для решения данного вопроса в наше время накоплен новый и достаточно значительный и убедительный дополнительный материал. Имеются в виду обнаруженные в гуннском погребении гагатовый талисман с гуннской **зеркальной** надписью и золотой динар из погребения хазарина со вторичным ритуальным словом. То же самое можно сказать относительно печатков с зеркаль-

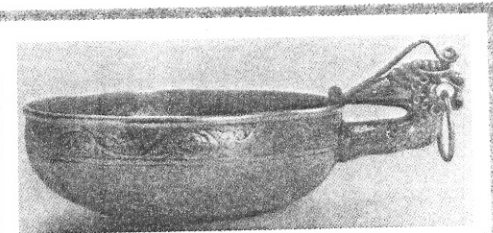
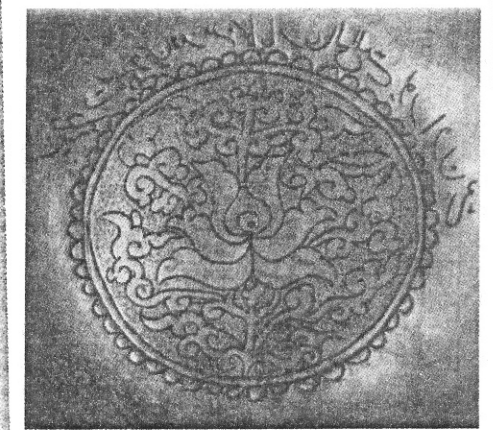

Рис. 16. Золотой ковш с болгарской надписью

¹ Крамаровский М.Г. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975. С. 70.

² Тугушева Л.Ю. О надписи на золотом ковше из собрания Эрмитажа. С. 80.

(Белджамен) и Царевского (Сарай ал-Джедид) городищ крупные каменные охранные блоки-указатели.

На них были прикреплены отлитые на волгоградском тракторном заводе чугунные плиты с указанием названий городов, времени их существования и того, что они охраняются законом. Все эти плиты разбиты – остались лишь крошки от цемента, т.е. практически не осталось от них и следа... Можно только удивляться, каким образом воинствующие иосифляне, пришедшие к власти в первой половине XVI в., (ранее такой ненависти не существовало!), смогли воспитать в народе такую ненависть к своим согражданам... Как говорится, голову можно дать на отсечение, что в достаточно богатой средневековой тюрко-татарской литературе в тысячи и тысячи строк вы не найдете ни единого слова, направленного против русского или других народов! Так что все это не может быть карой народа за какие-то вымышленные прегрешения прошлых времен...

В Царевском городище, например, «черными археологами» ведутся, вообще, какие-то беспорядочные раскопки. Поскольку они технически достаточно хорошо вооружены и имеют при себе специальные приборы, оставленные ими ямы означают: здесь что-то нашли. Если это рядовой, хотя и важный для ученых материал – выбрасывают. Если же редкий и ценный предмет – «уплывает» по традиции на Запад. Например, многочисленные художественно выполненные сосуды из драгоценных металлов из разграбленных курганов Поволжья, Приуралья и Причерноморья украшают стенды музеев многих столичных городов Европы и Америки...

Стоишь на краю такого грабительского раскопа-котлована и невольно думаешь: дикое разрушительное варварское нашествие... то ли шло с Востока, то ли – с Запада...

3. Язык и литература Великой Булгарии

Проблема языка и литературы Великой Булгарии хорошо известна и достаточно подробно исследована. Историки, археологи и этнографы обычно с некоторым пренебрежением относятся к болгарскому периоду и, наоборот, преувеличивают роль ордынского периода в формировании татарского народа. Автора данных строк, должен сказать, удивляет подобная, не то что недостаточная информированность, а невнимательность к некоторым важным **элементам** истории болгар домонгольского периода, богатого и развитого языка *тюрки* Поволжья, литературы и исламской идеологии в духовной культуре населения. Они естественно продолжали существовать и являлись основными элементами духовной культуры общества и позднее, в ордынский период, разрушившими вдребезги языческие устои оставшихся в Восточной Европе монголов, если таковые имелись после преобразований и реформ принявшего ислам **султана Берке хана**. Поэтому хотелось бы указать на данную проблематику, хотя она в общем достаточно хорошо исследована отдельными учеными.

Золотой ковш. Естественно, что известная поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» не является единственным примером использования татарского языка (гунно-хазаро-булгарского, т.е. кыпчакского *тюрки*) не только в литературе, но и в быту в раннеисламский период. Например, в Эрмитаже сохранился прекрасно украшенный, великолепный золотой ковш с уникальной надписью (рис. 16).

Ковш поступил в начале XVIII в. в коллекцию Кунсткамеры. Впервые на

него обратил внимание Х.М.Френ¹. Надпись читается следующим образом: «Сәнәи, Хәзрәт Мәккәдин Мәдинәга баргали, алты йөр ун ити». Он перевел надпись следующим образом: *В году: с тех пор как господин (пророк Мухаммед) ушел из Мекки в Медину (прошло) шестьсот семнадцать (лет).*

Известный ученый, научный сотрудник Эрмитажа М.Г.Крамаровский в своей, посвященной указанному ковшу, статье приводит варианты чтения и некоторых других авторов. Однако профессор Казанского университета Х.М.Френ являлся ученым, который прежде чем что-то сказать сто раз подумывал и взвешивал. Его чтение в основном не вызывает сомнения.

Согласно М.Г.Крамаровскому, надпись вместе с орнаментикой ковша сделаны **одновременно** и составляют единый декоративный комплекс. Действительно, не только в орнаментике, но и в оформлении надписи чувствуется тонкая рука одного и того же мастера.

Л.Ю.Тугушева в своей статье обращает внимание на особенности графики отдельных букв надписи. Например, буква «с» с излишними **тремя** точками внизу или написание числительного «йөр» вместо «йөз» (сто). В закономерных особенностях надписи она совершенно справедливо видит «основание для отнесения ее к поволжско-тюркскому ареалу»².

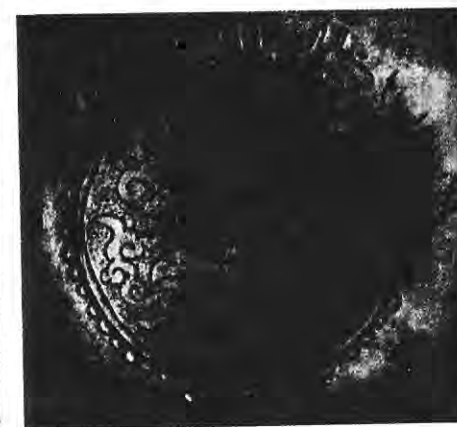
Но один вопрос в рассуждениях ученых остается нерешенным. Почему же такая прекрасная надпись на не менее прекрасном ковше из золота выполнена тайнописью, т.е. **зеркально**, требующей еще большего мастерства и не менее большего труда ее исполнения?

Невольно возникает и другой вопрос: что же означает сама дата 617 г. по х. (1220–1221)? Если бы она указывала на время изготовления сосуда, то почему же она выполнена так (зеркально), что не каждый может прочитать ее содержание? Это явно не дата изготовления ковша, иначе трудно понять почему же она скрыта от глаз простых смертных?

Думается, для решения данного вопроса в наше время накоплен новый и достаточно значительный и убедительный дополнительный материал. Имеются в виду обнаруженные в гуннском погребении гагатовый талисман с гуннской **зеркальной** надписью и золотой динар из погребения хазарина со вторичным ритуальным словом. То же самое можно сказать относительно печатков с зеркаль-

Рис. 16. Золотой ковш с болгарской надписью

¹ Крамаровский М.Г. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975. С. 70.

² Тугушева Л.Ю. О надписи на золотом ковше из собрания Эрмитажа. С. 80.

ным оформлением отдельных букв на золотых перстнях ранних болгарских правителей¹.

Указанный ковш оказался в XVIII в. в Кунсткамере, но ясно, что в те века туда попадали в основном вещи, добытые путем грабительских раскопок в древних курганах, особенно широко распространенных в Поволжье и Прикамье. Характерные особенности языка надписи свидетельствуют, что ковш имел погребальный характер.

Подтверждающим данное мнение о ритуальном характере текста на ковше является **его созвучие с надписями на более поздних болгарских надгробных памятниках XIII–XIV вв. 2-го стиля!**

Однако очень важным и интересным в надписи является то, что, в отличие от текстов на надгробных камнях 2-го стиля, в ней отсутствуют данные об «исчезновении» впоследствии какого-то неизвестного существовавшего до XIV в. болгарского языка. Она написана на нормальном литературном тюрко-татарском (хазаро-болгарском) языке, лишь несколько букв и некоторые особенности их оформления, напоминающие письма на надгробных камнях 2-го стиля, свидетельствуют о том, что они происходят из Поволжья и имеют ритуальный характер.

Таких особенностей указанной надписи немного, но они являются очень важными и интересными. Дело в том, что эти отличительные свойства пока являются единичными, единственными вкраплениями в какие-то более **древние**, даже для XII в., ритуальные особенности и специально вставлены в нормальное, разговорное или, скажем, литературное предложение. Кстати, подобные небольшие своеобразные вкрапления характерны, как указано выше, именно для раннеболгарских языческих погребальных памятников.

Обратите внимание на числительные или на дату в надписи ковша: «алти йур ун ити», т.е. 617. Единственное «скрытое» в тексте необычное слово «йур» посредством замены буквы «з» на «р» легко угадывается в контексте слово «йүз» (сто).

В надписи очень большой соблазн вызывает чтение последнего слова «ити» как «был», т.е. читать завершение текста в форме «шестьсот десятый год был». Но это слово в средневековых болгаро-татарских источниках, как правило, стандартно читается только как «ити» (семь), и тут уж ничего не изменишь!

А теперь для сравнения пример из надписей более поздних болгарских надгробных памятников XIV в. 2-го стиля. То же самое слово «семь» написано на надгробных камнях в **восьми** вариантах: «жиаат», «жиат», «жиатә», «жит», «жәти», «жиаж», «жәжа», «жиәж»²! Варианты других числительных поменьше, но также достаточно много. Эти примеры, похоже, свидетельствуют **не о существовании какого-то неизвестного древнего нормативного языка с едиными правилами**, а о явлении ритуального погребального эвфемизма, которое в целом, по сравнению с надписью на золотом ковше, дошло до нас в извращенном виде отдельных слов.

Как и погребальные надписи на золотом ковше болгарского периода, эвфемизм действительно использовался древними гуннами. Например, на вышеуказанном гагатовом талисмани из гуннского погребения слово написано правильно, лишь его повтор зеркально воспроизведен, как и надпись на ковше.

В надписи же на золотом перстне царя болгар Кубрата (правил в VII в.), воспитанного при дворе византийского императора, все буквы написаны четко и без изменений. Видимо, он носил его при жизни. А на печатках золотых перстней

правившего до Кубрата **Арханды** и царицы **Архандача** отдельные буквы выгравированы четко и правильно, а другие зеркально, т.е. заметны явные особенности надписи ритуального характера (рис. 17).

Ясно, что вышеуказанные изменения, кстати, как и в надписи на золотом ковше или на болгарских эпиграфических памятниках XIV в. 2-го стиля, с заменой отдельных слов древними языческими словами или буквами, сыграли какую-то важную

ритуальную роль в жизни гунно-болгар! Однако тексты надгробных камней оформлены не зеркально, как на золотом ковше – это было бы слишком сложно для простого люда. Но каким почерком!? Давно устаревшим, притом ложным (смешанным с «насах») почерком **«куфи»**, которым пользовались в Поволжье несколько веков тому назад, в основном тогда, когда чеканились в IX–X вв. куфические дирхемы хазар, а в X в. – болгар.

Надпись на золотом ковше свидетельствует, что уже в XII в., т.е. в домонгольский период, болгары пользовались почерком «сульс». Тем же нормальным тюрко-татарским языком и почерком оформлены в основном все эпиграфические памятники болгар 1-го стиля, следовательно, **именно они древнее** своим происхождением, чем памятники 2-го стиля с ложным «куфи», возникшие только в 80-х гг. XIV в.!

Как видно из названия сочинения Кул Гали «Кысса-и Йусуф», поэты увлекались не только персидской поэзией. У нас дома была данная рукописная книга. Тетушки и бабушки по вечерам в кругу соседей, подруг и детворы со слезами на глазах читали и называли эту поэму, естественно, не по-персидски, а по-татарски, переставляя слова «Йосыф кыйссасы» или «Йосыф китабы», т.е. «Йусуфу (по-священные) рассказы».

Представляется, что надпись на ковше и оформленное по-персидски в ней выражение «сәнә-и» – «в году» по-тюрко-татарски понимается по смыслу несколько иначе и более логично. Она выгравирована следующим образом: «Сәнә-и Хәзрәт Мәккәдин Мәдинәга баргали алты йур ити».

Для правильного понимания текста необходимо учесть наличие древнетюркского деепричастия «баргали» в тексте и соотнести «сәнә-и», как и в примере с «Кысса-и Йусуф», с соответствующим на татарском языке значением: Хәзрәт Мәккәдин Мәдинәга баруга (баргали!) алты йөр ун ити сәнә. Перевод: *Со времени поездки (баргали!) Хазрата из Мекки в Медину шестьсот семнадцать лет.*

Такая конкретизация датировки поездки пророка из Мекки в Медину, т.е. с указанием конкретных истоков начала летоисчисления хиджры, объясняется достаточно просто: у болгар с древнейших времен существовало свое летоисчисление по 12-цикличному тюркскому календарю. Кстати, последним старшее поколение татар пользовалось еще в XX в.

Главным в данном случае является то, что большинство слов надписи на ковше, включая заимствования с арабского языка, написаны на хазаро-болгарском

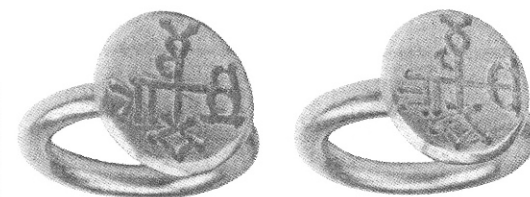

Рис. 17. Золотые печати правителей Арханды и Архандача (VII в.)

¹ Мухамадиев А. Указ. соч. С. 50–51.

² Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. С. 71.

государственном языке – *тюрки* Поволжья. Ритуальные особенности представлены единственной заменой «з» на «р» в слове «йүр» и своеобразным написанием буквы «с» с тремя точками внизу. Таким образом, в XII в. не существовало никакого архаичного булгарского языка. Об этом убедительно говорят, кроме надписи на ковше, классические сочинения десятков булгаро-татарских поэтов XIII–XIV вв. Отдельные же слова являются лишь ритуальными вкраплениями из кладбищенского жаргона, о которых особый разговор ниже. В этом, видимо, и вся загадка!

«*Кысса-и Йусуф*». Величайшим литературным произведением булгарского периода является сочинение Кул Гали «Кысса-и Йусуф», написанное на *тюрки* Поволжья, первая редакция которого появилась в 1212 г., а в 1233 г. – последняя¹.

Важным и достойным внимания является то, что Кул Гали – основоположник всей тюрко-татарской (хазаро-булгаро-татарской) литературы.

Влияние огузского диалекта. Как только не стремились некоторые языковеды не то чтобы очернить, а «отнять» это величайшее булгаро-татарское произведение! Представляется, вся проходившая по данному вопросу дискуссия в 70-е гг. прошлого века «завязла» из-за слабоизученности не только проблем языка, но и объективной древней истории хазар и булгар, а также археологии и нумизматики Поволжья, в которых обнаружено, особенно в последние годы, достаточно много примеров о широком употреблении данного языка задолго до появления поэмы «Кысса-и Йусуф».

Следует сказать, что в многочисленных литературных произведениях не имеются указания на то, что они написаны на «хазарском» или «булгарском», или «золотоордынском» языках. Дело в том, что таких языков, кроме их диалектальных или временных особенностей, и не существовало. В Хазарском, Булгарском, как и в Кыпчакском, т.е. в «Золотоордынском» (данное клише в русской историографии появляется лишь с XVII в.) государствах использовался общий и понятный для всех тюркских диалектов государственный язык. Данный язык современники в своих литературных произведениях обычно называют как «тюрки».

Указанный язык от древнетюркского языка, оформившегося еще в период существования тюркских каганатов, отличается лишь тем, что в нем встречаются иногда отдельные особенности, характерные хазарскому или булгарскому диалектам. Поэтому современные исследователи обычно называют его как *тюрки* Поволжья.

Тюрки Поволжья, судя по письменным источникам, как единый государственный и литературный язык, включая некоторые свои особенности относительно каждого периода, закономерно продолжал развиваться и существовать в **хазарский, булгарский, ордынский и казанский** периоды. Например, в казанский (кстати, судя по десяткам тысяч монет Казани, официально место чеканки обозначено как «Булгар») период известный татарский поэт XVI в. Мухаммадьяр писал:

Смысл хадиса четок, а слова ярки:
Изложу я их на языке *тюрки*².

Хазарский, булгарский, ордынский и казанский периоды функционирования государственного языка *тюрки* Поволжья по многочисленным произведениям и документам соответствующего времени известны достаточно хорошо. Что касает-

ся официального языка государства хазар, одного из трех раннесредневековых мировых держав, наряду с Ираном и Византией, то кроме отдельных слов типа «закан» (закон), «Цицек» (Цветок – имя царевны, вышедшей замуж за сына византийского императора) или сохранившейся в кавказских источниках титулатуры и т.д., о нем почти ничего не известно. При исследовании хазарского диалектального языка следует учесть и то, что на *тюрки* Поволжья в период распада хазарской державы сильное влияние оказал огузский диалект древнетюркского языка.

Археологам хорошо известно, что многие города хазар в процессе распада и ослабления государства пали в период нашествия печенегов. Бахвальство некоторых современных историков о том, что некоторые хазарские города были разрушены князем Святославом, не соответствует действительности. Дело в том, что печенеги не только громили, сжигали хазарские села (судя по караимскому диалекту, т.е. по-хазарски – «сала») и города, но и разгромили войска самого Святослава, а из его черепа, согласно летописям, сделали оправленный золотом сосуд для кумыса с надписью: *Нашел еси то, что искал*.

Археологам известно также, что в Поволжье достаточно много погребальных комплексов огузов, т.е. печенегов, хотя до сих пор они не выделены в отдельную группу, что вполне возможно. Следовательно, отрицать достаточно сильное влияние огузского диалекта на *тюрки* Поволжья невозможно.

Ранние булгары на Средней Волге входили в состав Хазарского государства, следовательно, булгарский *тюрки* формировался в данный период также под влиянием не только хазарского, но и огузского диалекта. Тем более что после закономерного ослабления и распада существовавшей с VII по X вв. (вполне нормальный возраст для средневековых государств) хазарской державы многие города с хазарским населением, такие, как Саксин, расположенный в устье Волги, или городище Машаек (Астрахань) и многие другие, оказались в составе Великой Булгарии!

Именно с подобным, соответствующим исторической действительности, оригинальным мнением выступил профессор кафедры татарского языка КГУ, который являлся любимым преподавателем многих студентов, в том числе автора, Джавад Алмаз¹. Он совершенно справедливо писал, что данный памятник мог быть создан в государстве с развитой культурой, о чем свидетельствует вполне сложившийся язык поэмы «Кысса-и Йусуф». Таковым являлось в тот период Булгарское государство со смешанным тюркско-хазарским языком. В то время в государстве Сельджукидов, Караханидов и хорезмшахов литературным был персидский язык. Язык же указанной поэмы без выраженного влияния персидского языка.

Относительно языка «Кысса-и Йусуф», следовательно, о месте происхождения памятника до высказывания Джавада Алмаза также имелись предположения других ученых. Однако, приводя их мнения, известный языковед советского периода Э.Наджиб посвятил одну из своих статей резкой критике взгляда Д.Алмаза: «Однако так ли все это? Разве точно установлено, что хазарский язык был тюркским!»². После такого, мягко говоря, не очень внятного утверждения Э.Наджиба

¹ Гали К. Кысса-и Йусуф. Казан, 1983. 196.

² Антология булгарской литературы. Мухаммадьяр / пер. Р.Кадырова. М., 2007. С. 123.

¹ Алмазов Д. «Кысса-и Йусуф» Кул Гали – булгаро-татарский памятник // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960.

² Наджиб Э.Н. О языке памятника начала XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали // СТ. Баку, 1976. № 2. С. 74.

можно было бы и не продолжать чтение указанной статьи, но он сам приходит к выводу, что «внимательное изучение языка «Кысса-и Йусуф» показывает, что он является смешанным, причем как в его фонетике, так и в морфологии и лексике преобладают огузские элементы...» То есть фактически здесь речь идет о нашествии огузов, что подтверждается и археологическими материалами. Далее он пишет: «Следовательно, данный памятник мог быть создан там, где основную массу населения составляли огузские племена, среди которых жили и кыпчаки»¹.

Для того, чтобы внести окончательную ясность в происхождение «Кысса-и Йусуф», следует добавить, что, возможно, указанная поэма является не только болгарской, а написана Кул Гали, основываясь на более ранние хазарские предания или памятники, посвященные пророку Йусуфу. Кстати, Йусуф (Иосиф) является также именем хазарского кагана, принявшего иудаизм. Судя по диалектальным особенностям произведения, не исключено, что сам великий поэт являлся носителем одного из диалектов болгарского языка – хазарского (мишарского)!

В данном предположении нет ничего удивительного, тем более, как стало известно по археологическим раскопкам последних лет и обнаруженным материалам, не только города на Нижней Волге, но и на Дону и Суре (под Пензой) после распада империи хазар вошли в состав Великой Булгарии.

Как известно, после утверждения ислама в качестве государственной религии империи некоторой **частью хазар, болгар и сувар** был принят иудаизм. После распада Хазарской империи и вхождения основных земель в состав Великой Булгарии, принявшие иудаизм хазары, болгары и сувары эмиром Великой Булгарии (сообщая об этом, ал-Гарнати, к сожалению, не приводит его имени) были переселены в западные районы. Возможно, поэтому в караимском языке весьма любопытным представляется наличие, скажем, в отличие от татарского языка, значения терминов «тептяр», «тептярлик» – «топтанье», «попранье» (прав).

Зная указанные выше события, можно поставить вопрос и таким образом: где же могло появиться сочинение не только с подобными диалектальными особенностями, но и с таким своеобразным сюжетом, где главные герои поэмы – с удивительными способностями красавец пророк Йусуф, его отец и многочисленные братья, являются не только евреями-мусульманами, но часто говорят по-еврейски! Например, в поэме описывается случай о попавшем в столицу Египта юноше-чужестранце, который плакал и ходил по городу, спрашивая прохожих о чем-то на своем языке, но никто его не понимал. Когда молва об этом событии дошла до правителя Египта Йусуфа, то он пошел искать его, нашел и юноша оказался его младшим братом. Йусуф говорил с ним по-еврейски, после чего привел его в свой дворец.

Всему вышеизложенному следует добавить, что родиной героев поэмы «Кысса-и Йусуф» является страна **Канган**. Данное слово как название государства встречается и в некоторых других источниках. По мнению автора данных строк, страна Канган – это Коман или Комания европейских авторов. Таким образом, получается, что Канган – это в широком смысле хазарские земли или государство, возможно, названное по имени основного населения. Действительно, где же еще могли жить евреи в указанный период в качестве обычных полноправных граждан государства, оказавшиеся изгоями не только в европейских, но и в мусульманских странах?!

¹ Наджип Э.Н. Указ. соч. С. 79.

Относительно мнения Д.Алмазова, которого, кстати, существовавшая тогда система все-таки «доконала» – он был вынужден уйти с работы (умер в забвении и нищете), что поэма написана на тюрко-хазарском, т.е. хазаро-булгарском, языке, можно сказать, что, похоже, он оказался прав.

Дело в том, что основательно поработавший над языком поэмы «Кысса-и Йусуф» Э.Наджип в конце своей вышеуказанной статьи приводит более трех десятков архаичных лексических элементов из поэмы, которые отсутствуют даже в «Дивану...» Махмуда Кашгари или в «Кутадгу билик»¹.

Думается, для того, чтобы искать значение указанных архаичных слов в современных языках, необходимо обратиться к диалектальным языкам хазар (мишарей), болгар (татар) и т.д. Но подобный детально разработанный в историческом плане диалектический словарь пока неизвестен.

Существует диалектический словарь караимского языка, т.е. принявших иудаизм потомков хазар. Притом, когда лингвист Э.Наджип сомневался даже в тюркском характере хазарского языка, наличие в языке караимов некоторых, отсутствующих даже в «Дивану...» М.Кашгари, слов со значением, характерным для архаичных лингвистических элементов «Юсуфа и Зулейхи» Кул Гали, является поразительным!

Например (по поэме «Юсуф и Зулейха»):

айруксы – иной,
тәркинлэ – убыстрять,
дарацьк – тесный,
даг – металлическая посуда,
кертц – истина.

На караимском языке (в скобках указываются страницы караимско-русско-польского словаря):

айрыксы – особый (С. 54),
терклик – скорость (С. 566),
дарацьк – нервный (С. 169),
даг – медная посуда (С. 458),
кертц – правда (С. 307)².

Известный литературовед Фазиль Фасеев во введении к сочинению «Кысса-и Йусуф», подробно сравнивая примеры из поэмы Кул Гали и из сочинений последующих поэтов ордынского периода Кутба и Махмуда Булгари, казанского периода Мухаммадьяра, поэта XVII в. Мавля Колыя и т.д., делает вполне закономерный вывод: «В период становления и бурного развития новой национальной татарской литературы, т.е. в XIX–XX вв., влияние «Кысса-и Йусуф» на творчество поэтов и писателей не только не уменьшается, а, наоборот, становится еще более значительным и глубоким»³.

В указанной книге приведена карта с указанием населенных пунктов от Астрахани до Казани и Перми, в которых в массовом порядке были обнаружены рукописные книги поэмы «Кысса-и Йусуф» и имена тех людей, у которых они были сохранены.

¹ Наджип Э. Указ. соч. С. 80.

² Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.

³ Там же. С. 31.

Один из таких списков поэмы – «Мухамадиевский» хранится у автора данных строк¹. Для справки, может быть, следует добавить некоторые подробности. В рукописи краткой редакции в конце находится интересная поэма «Джумджу-ма-султан» поэта XIV в. Хисама Кятиба. Книга, видимо, сохранилась в семье моей матери – у деда Галимардана, потому что тяжелобольная младшая сестра матери Тержиге апа в 1979 г. передала мне рукопись книги, сказав: «Энем (младший брат мой), теперь в нашем роду кроме тебя некому читать: никто не знает арабские буквы. Бери эту книгу «Йусуфа» и береги ее».

Для того, чтобы имелось некоторое представление у читающей публики о предмете разговора, привожу подстрочный перевод частично начала и конца поэмы из указанной выше книги:

Обо всем, что случилось с Йусуфом,
Что сделали с ним его братья,
Как он стал великим меликом Египта,
Расскажу я в стихах, а вы разумеете...

После этих слов я обращусь к мудрости,
Рассыплю розы и базилики, жемчуга и кораллы,
Начну рассказ о делах пророка Йусуфа,
Поймите, это принесет правоверному пользу.

Самым прекрасным из повествований и
мудрых сказаний,
Самым приятным для слушания без скуки,
Упомянутым, как известно, и в Коране,
Является, бесспорно, это повествование...

Алмаз – камень, но не всякий камень – алмаз,
Не всякий осмыслит достоинство его,
Глупец не разумеет достоинства этих стихов –
Умный же человек послушает, поймет, будет знать.

Уповает сей грешник на тебя, Властелин наш,
Тебя великодушного, милосердного тебя – Владыку.
Яви доброту, ниспосли милости Кул Гали –
Печальную душу его возрадуй.

С помощью и поддержкой Господа,
Тридцатого дня святого раджаба
По летоисчислению шестьсот девятого года,
Сей немощный составил сию книгу.

Думается, из приведенных уникальных древних письменных источников начиная с античного времени, в том числе из указанной поэмы, становится достаточно ясным не только на каком языке говорили хазары и болгары, но и какие мировые религии исповедовали и какова их история мирового значения.

Позволительно спросить, на какие же факты и доводы опираются те ученые, которые изображают из себя знатоков монгольской истории и начинают монголизировать историю Поволжья?

В настоящее время и в современной ситуации никто не собирается отрицать название татарского народа. Правда, нас хазарами или булгарами называть тоже невозможно. Это были лишь древние племенные названия. Тем более с образованием империй они свой государственный язык стали называть «тюркским», а себя – «тюрками», даже Хазарское государство называлось Туркестаном. Например, в армянском источнике VII в. «История Алван» говорится: «Кто из персидских царей мог бы встретиться лицом к лицу с туркестанским царем?» или «показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому кагану»¹.

Правда, следует добавить, что хазарский и болгарский *тюрки* являлся кыпчакским диалектом древнетюркского языка. Не случайно в период восстановления государства при султанах Берке границы Великой Булгарии оказались более обширными и включали не только собственно булгарские, но и русские, казахские владения. Поэтому Великую Булгарию стали называть «Кыпчак» или «Кыпчак-баши», а персы – «Дешт-и Кыпчак».

Представляется, такими правами, как переименование народа, могут обладать лишь высшие органы суверенного государства. Но ведь это не повод для того, чтобы отрицать историческую правду и плестись на хвосте устаревших представлений и выдумок историков XVII–XVIII вв., и сочинять многотомные труды по истории, постоянно обзывая тюркское население Поволжья «татаро-монголами»!

Великодержавные историки зачастую вполне сознательно извращали историю народов ради ложного патриотизма (кстати, не только историю населения Поволжья, но и азербайджанцев, чеченцев и других народов), обвиняя современных татар во всех грехах монгольских захватчиков. Хазаро-булгары (тюрки) Поволжья фактически, как и славяне, сильно пострадали от монгольского нашествия, но не были сломлены – разгромили монгольские войска еще во время первого похода монголов при Чингисхане.

В период второго похода монголов, т. е. во времена Батыя, мусульманское население Поволжья уничтожило не только Орду Батыя, но и разрушило всю систему зависимости непосредственно от Монгольского юрта.

В Восточной Европе после Батыя было создано мощное государство, основу которого составляли в основном два объединенных наиболее сильных улуса: Булгарский и Русский. Подобное полиэтничное государство, естественно, не могло называться «Великой Булгарией», поскольку его населяли, кроме булгар, русских, и другие народы, например, хазары (крымчане), ногайцы, дагестанцы, азербайджанцы, карачаи-балкары, казахи и т. д., т. е. в основном тюркские народы, говорящие на кыпчакском диалекте тюркского языка, поэтому тюрки стали называть ее «Улус Кыпчак», «Кыпчакбаши» или просто «Кыпчак», а русские историки с XVII в. – «Золотая Орда», исключив из ее состава Русского улуса.

Однако не следует думать, что с появлением одного из крупных улусов Монгольской империи исчезли названия внутренних улусов, таких, как Ногайский или Русский и т. д. Улус Великая Булгария не только существовал, но и закономерно и бурно развивался. Об этом свидетельствует не только существование на всем пространстве Улуса Кыпчак единого государственного языка – *тюрки* Поволжья, т. е. булгарского, но и интенсивное развитие городов на Волге, в которых, судя по большому количеству литературных произведений, говорили на том же языке.

¹ Гали К. Кысса-и Йусуф. Казан, 1983. 453 б.

¹ Гукасян В.Л. Тюркизмы в албанских источниках. Баку, 1977 // СТ. № 2.

4. Крах гипотезы об «особом» протобулгарском языке-1

Открывший впервые надписи 2-го стиля на болгарских эпиграфических памятниках лектор татарских языков Санкт-Петербургского университета Хусаин Фаизханов (1828–1866) подходил к проблеме, как истинный ученый, трезво, практически и традиционно, не оскорбляя никого из родственных народов-соседей: «не следует ли, не вдаваясь ни в какие гадательные предположения, читать просто *жиати жур*, т.е. *йти иур?*.. В пользу моего мнения говорит и обыкновение татар начальное *й* произносить и писать как *ж*, что касается до буквы *р*, употребленной вместо *з* в слове *жур*, то это можно объяснить отчасти ясностью (как в слове *сәкр*, т.е. *сәкз*) смысла и без точки, отчасти употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени; чуваша «сто» называют *чюр*...»¹

Дальше, однако, в массовом порядке появляются именно однобокие предположения мужей науки, большинство из которых практически ни с древней историей Поволжья, ни с языковыми или средневековыми литературными болгаро-татарскими памятниками особо-то и не знакомы. Только историографический обзор таких работ составил бы многотомный труд, но проблема оставалась фактически без убедительной развязки.

Должен сказать, что автор не относится ни к «булгаристам», особенно тем, которые пишут обычно на русском языке и выдают свои «труды» за «древние» сочинения. Тем более к «монголо-татаристам», которые обычно никогда специально не занимались ни монгольской, ни татарской историей, археологией или нумизматикой, но являются мастерами словоблудия в истории, полученного в наследство от прошлых, известных времен, и создания многотомных субъективных трудов по «Истории татарского народа».

История, археология и нумизматика Поволжья раннего и позднего средневековья, когда возникли первые крупнейшие феодальные государства Евразии с центрами на Волге и практически существовали до позднего средневековья, сами по себе настолько интересные и захватывающие, что напоминают приключенческий роман. Следовательно, нет необходимости что-то выдумывать или добавлять. Особую трудность представляют лишь преодоление обычной субъективности в отношении татарской истории в российской историографии и попытка объективного ее исследования.

Изданная еще в 80-х гг. прошлого века статья автора «Монеты как источник по изучению болгарского языка», посвященная сравнительному анализу языка датированных болгарских монет и языка эпиграфических памятников практически того же времени изготовления, к сожалению, как говорится, прошла мимо ушей ученых².

Обратите внимание, это обычное характерное игнорирование и тенденциозное пренебрежительное отношение ко всему сохранившемуся в первозданном виде средневековому нормативному болгарскому языковому материалу по данной проблеме!

Оказывается, появившийся позднее, в ордынский период, и бытовавший в ограниченно небольшом отрезке времени, судя по почерку, вторичный и архаично-

¹ Фаизханов Х. Три надгробные болгарские надписи // Известия русского археологического общества. СПб., 1863. Т. IV. Вып. 5.

² Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980. С. 122–135.

клерикального характера, язык надгробных памятников 2-го стиля XIII–XIV вв. (1280–1350) является языком «протоболгар». А язык многочисленных, но более древних эпиграфических памятников 1-го стиля или литературных произведений, а также десятков тысяч монет болгарской чеканки того же периода, т.е. живой, разговорный и письменный язык массового характера, в том числе государственный язык болгар XII–XVI вв., – это уже не болгарский язык! (рис.18).

В упомянутой статье автора рассматриваются в языковом отношении недостаточно исследованные, но важные для истории болгар надписи на монетах. Например, приводятся надписи на датированных пулах на литературном болгарском языке, т.е. на наиболее широко распространенных среди населения медных монетах, оформленных, в отличие от куфических надписей, на надгробных камнях почерком «насах»: «Болгар пули» (Пул Болгара). Или же обращенные ко всему населению и регламентирующие соотношения серебра и меди надписи, такие, как «Уналты пул – денка» (Шестнадцать пулов – денга), т.е. шестнадцать пулов размениваются на одну серебряную денгу (весовая фракция), которая составляет половину веса серебряной монеты. Данная надпись означает, что целая серебряная монета «ярмак» (2 денги) разменивается на 32 пула, а 3 ярмака, т.е. шесть денег (алтын), – на 96 пулов (рис.19).

Нужно ли говорить, что в таких надписях заключалась очень важная, живая информация, и ее должны были знать и понимать

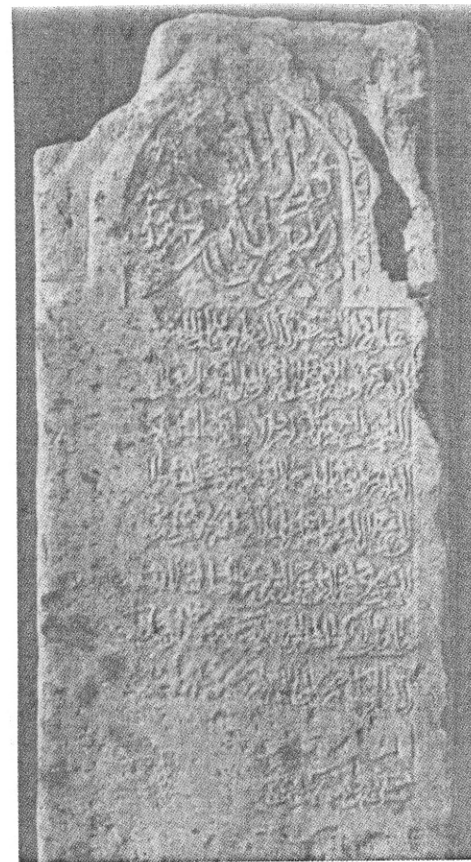
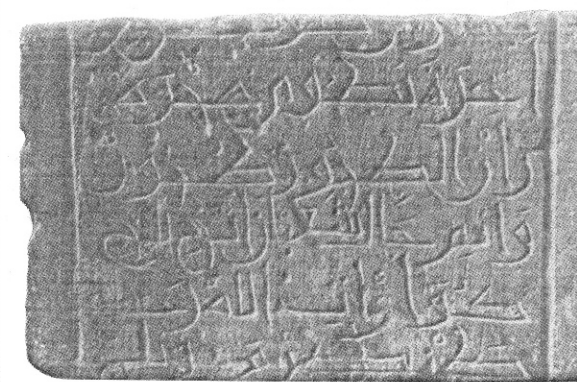

Рис. 18. Эпиграфические памятники 1-го (с именем первого суверенного эмира Казани Хасан-бека) и 2-го стилей (внизу)

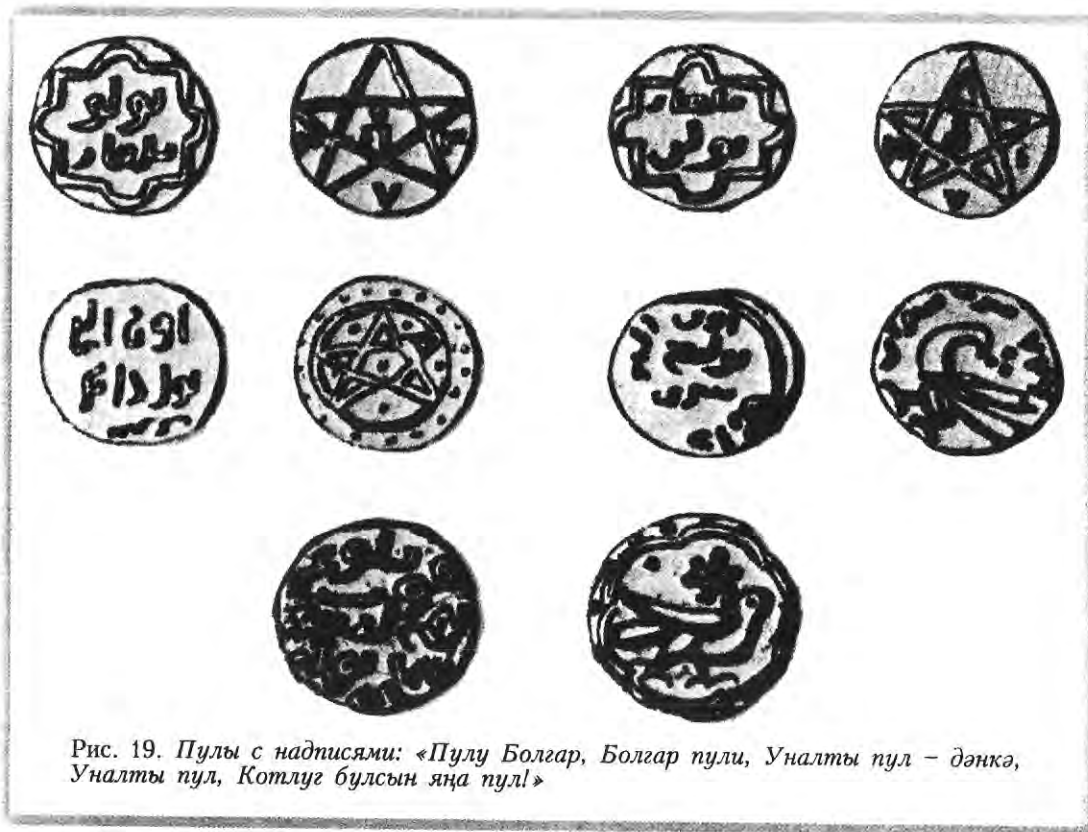

Рис. 19. Пулы с надписями: «Пулу Болгар, Болгар пули, Уналты пул - дэнкә, Уналты пул, Котлуг булсын яңа пул»

не только торговые люди, но и все население страны. Поэтому-то надпись составлена на основе общегосударственного болгарского разговорного языка.

Следует добавить, что после X в. – так называемого «безмонетного периода» (XI–XII вв.), чеканка монет была восстановлена и продолжена в Булгаре от имени халифа Насир ад-Дина (1180–1225). На них также встречается редкая надпись на болгарском языке: «Болгар мали» (из имущества Булгара). Кстати, термины «ярмак» или «мал» встречаются в произведении начала XIII в. «Кысса-и Йусуф».

В ранний ордынский период, в 50–80 гг. XIII в., монеты чеканки Булгара находились в обращении от Среднего Поволжья до устья Волги. В Нижнем Поволжье, южнее Астрахани, по археологическим раскопкам и обнаруженным материалам, находился крупный хазаро-булгаро-татарский город Саксин, существовавший с IX в. и, судя по монетам Узбека, до 40-х гг. XIV в., т.е. до затопления.

По оформлению и весовой норме чеканки болгарские монеты являлись эталонами, во всяком случае в Поволжье, т.е. в Булгарском улусе от Перми до Каспийского моря. В период правления хана Батия прерванная во время второго похода монголов чеканка монет возобновилась от имени и с тамгой (единственный признак монгольского происхождения) верховного хана Мунке.

Поэтому позднее, в 80-х гг. XIII в., появляются также монеты городов Хорезма и Крыма. В отличие от монет Поволжья, по размеру и весу они были разными,

поскольку чеканились в других улусах, но по весу были взаимосвязаны, зависимы и имели прямое и четкое весовое соотношение с болгарскими монетами.

Поскольку Булгар являлся крупнейшим торгово-промышленным центром, появляются на монетах и благожелательные надписи для покупателей, т.е. рассчитанные также для широкого круга населения, такие, как: «Котлуг булсын яңа пул» (На счастье новый пул!) и т.д. При этом все эти регламентации и надписи, как отмечено выше, оформлены на том же языке, как это было принято, подобно всем литературным произведениям или документам государственного характера для XII–XIV вв., т.е. на болгарском языке и почерком «насх», бесспорное существование на Волге которых зафиксировано убедительными языковыми материалами, по крайней мере, с начала XII в.

Что же касается каменных надгробных памятников 2-го стиля, то даты изготовления их для сравнения особенностей языка подобраны в указанной статье автора таким образом, что они по хронологии совпадают с некоторыми датированными пулами. Некоторые эпитафии имеют совершенно уникальные языковые элементы (в отличие от надписей монет), зачастую не характерные для болгарского единого государственного языка, который в действительности именовался не хазарским (в более ранний период) или болгарским языком, а назывался *тюрки* Поволжья. В отличие от огузского, он являлся выразителем кыпчакского диалекта общетюркского языка.

Древние тексты. Как-то известный немецкий исследователь Г.Дерфер по поводу ротацизма и ламбдаизма в протобулгарском языке метко заметил: «Я не уверен, что эта проблема будет когда-нибудь решена... Нам нужно ждать обнаружения древних текстов тысячного года до н.э. Поскольку их нет, а надежда обнаружить их мало вероятна, то проблема остается нерешенной»¹.

Подобные тексты, существовавшие со II в. до н.э., к счастью, обнаружены и прочитаны. Эти прекрасно сохранившиеся до наших дней слова, поскольку они, чеканенные на монетах и включенные в религиозные тексты ранних булгар, действительно своеобразны и уникальны. Имеются интересные и любопытные древние титулы, словосочетания и термины, но это не вымышленный протобулгарский, а гунно-булгарский *тюрки*, т.е. дошедший в своем естественном развитии до нас в виде многочисленных источников и литературных произведений булгаро-татарский язык.

Не оправдали себя предположения и построения Н.Ашмарина, З.Гомбоца или А.Рона-Таша об особом протоболгарском языке. Так что, похоже, в каком-то смысле прав оказался Г.Дерфер, что проблема для них остается нерешенной, потому что построения вышеуказанных авторов оказались высосанной из пальца теорией, т.е. не подтвержденной ни историческими, ни археологическими, ни нумизматическими, тем более ни фундаментальными языковыми материалами гипотезой.

На основе часто повторяющихся, но в целом всего около 15 своеобразных «испорченных» (действительно интересных и уникальных, но не болгарских!) слов на надгробных памятниках 2-го стиля XIII–XIV вв., которые выявил и приводит в своей статье известный исследователь М.З.Закиев², они решили, что это язык «протобулгар»...

¹ Doerfer G. Khalaj Materials. Bloomington, 1971. P. 275.

² Закиев М.З. Значение труда Н.Ф.Катанова «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках» в изучении истории татарского народа // Наследие Н.Ф.Катанова. История и культура тюркских народов Евразии. Казань, 2006. С. 32.

Представляется, основная ошибка З.Гомбоца или А.Рона-Таша в том, что до них не дошло, что данная высосанная из пальца проблема (т.е. «булгарское» происхождение своеобразных тюркизмов в венгерском языке) с самого начала носила идеологически воинствующий характер, и ее идеологами были такие известные великодержавники, как Ильминский, отличающийся тенденциозностью историк Татищев или известный цензор Ашмарин и т.д.¹

В Хазарском, а позднее в Булгарском государствах всегда существовали в основном три наиболее крупных диалекта гунно-тюркского языка: хазарский, булгарский и суварский. Судя по эпиграфическим памятникам, они продолжали существовать и в ордынский период.

Интересным является наличие сохранившихся средневековых, т.е. сугубо диалектальных, тюркских слов в дунайско-булгарском и венгерском языках. Но вопрос прежде всего заключается в том, почему же они отличаются некоторыми своими особенностями от древнего булгарского языка, если они действительно булгарского происхождения?

Если конкретнее, вопрос можно поставить следующим образом: из какого же диалектального языка – хазарского, булгарского или же суварского – заимствованы эти элементы? Указанные венгерские племена вынуждены были переселиться из Восточной Европы на запад, видимо, потому что имелись какие-то серьезные причины, связанные со столкновениями с другими племенами. Но с какими же племенами проживали они в едином языковом пространстве? Судя по особенностям заимствованных слов – не с булгарами, которые в данный период (VIII–IX вв.) ни разу не упоминаются по соседству с венграми.

Об этом достаточно хорошо известно по письменным источникам, например из книги византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Из его сочинения совершенно ясно видно, что турки (мадьяры) в тесном контакте находились не с булгарами, а именно с хазарами и, особенно, савирами на Нижней Волге, правители которых со своими дружинами служили кагану хазар. По словам императора: «Народ турок (мадьяр) имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия – по прозвищу их первого воеводы»².

Имеется обширная литература, касающаяся Леведии. Однако обычно упускают из виду, что служивший кагану Хазарского государства глава мадьяр все же должен был носить не иноземное, а тюркское прозвище, т.е. титул. Например, первого правителя Казани султана Гиаетдина, правившего до Улу Мухаммеда, русские летописи называют обычно «Либеом», т.е. титулом, равнозначным «великому князю» – «улубию». «Бий», или «бек», обычно являлся титулом правителя небольшого племени³. Поскольку речь идет о титуле «улубий», видимо, правитель мадьяр являлся достаточно крупным деятелем государства хазар, по титулу которого назывался и их район проживания.

На карте арабского картографа XII в. Идриси, «оставленные презренные», т.е. не способные одолеть трудное переселение и оставленные на древней родине, бедные мадьяры (Safil ard basgirt min al atrak – Земля оставленных низких башкирдов) помещены где-то в районе северо-востока современной Башкирии, а не на

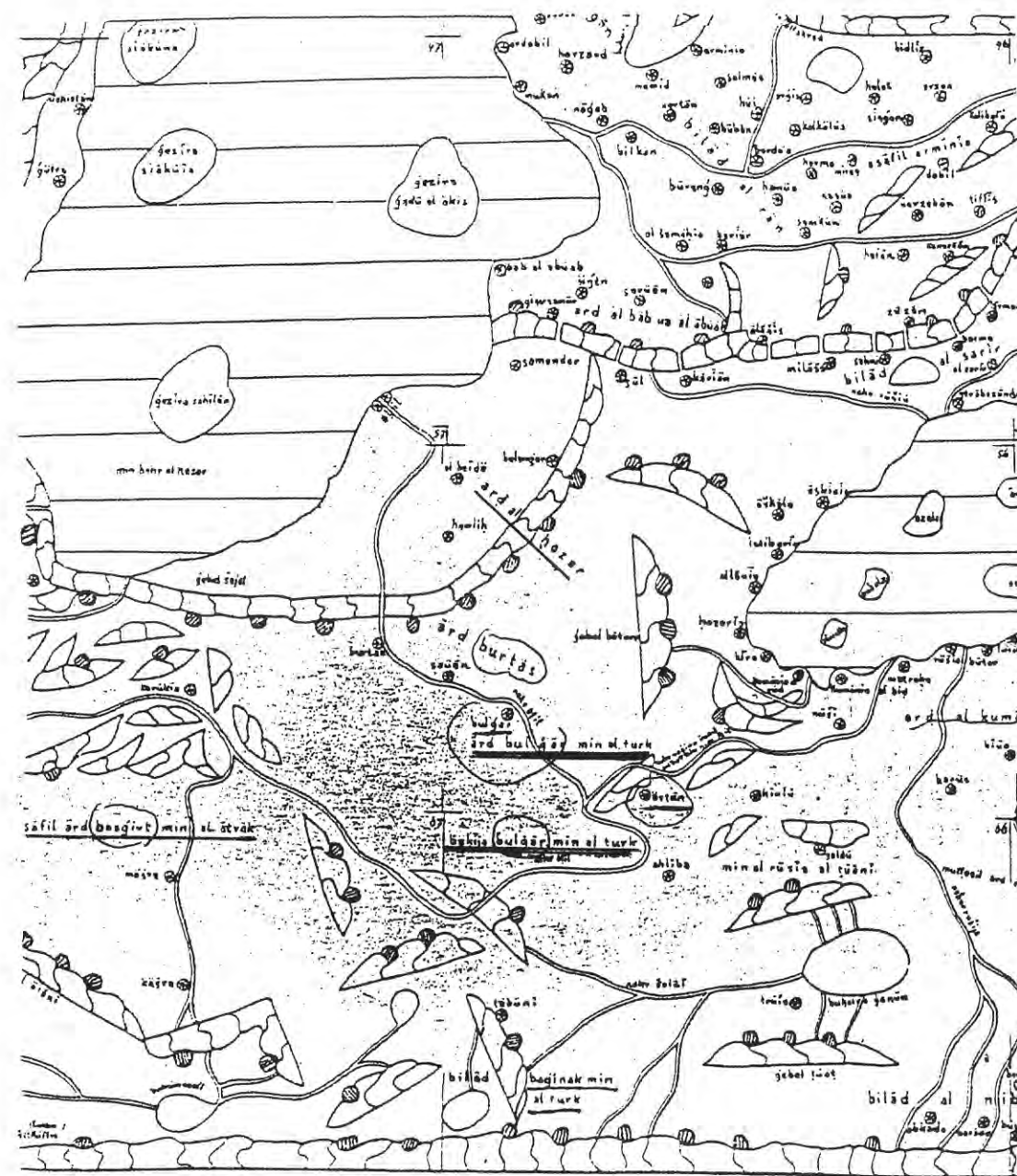

Рис. 20. Часть карты Идриси (XII в.)

¹ Кузьмин-Юманиди Я., Кулешов П. Этногенез чуваш. Казань, 2003. Ч. 1. С. 4.

² Багрянородный К. Об управлении империей. М., 1991. С. 159.

³ Махпиров В.У. Антропонимы в «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг» // СТ. 1979. № 4.

Средней Волге. А севернее Булгара на Каме в районе Перми указаны (Bakiġa bulgar min al turk – Оставшиеся булгары из тюрков) (рис.20).

Это явное доказательство того, что там действительно когда-то находились центры ранних булгар. В данном же районе обнаружено в основном большое количество художественно выполненных сосудов с гунно-булгарскими письменами. Археологи в этом же крае изучили изрядное количество достаточно крупных городов булгар X–XII вв.

Судя по сочинению императора Константина, мадьяры пересекли Ателькузы, т.е. Нижнее Поволжье (в древнетюркском языке «кузы» – низ Волго-Донья), и на следующем этапе своего переселения находились уже где-то в районе Нижнего Дона.

По археологическим данным, еще ранее, после поражения от войск известного арабского полководца Мервана в 737 г., приблизительно в те же районы переселилась и осела значительная часть хазарского населения из предгорьев Кавказа, и поскольку в средневековых источниках булгары на Кавказе особо не упоминаются, то значит, это были, видимо, в основном хазаро-сувары. Можно поставить вопрос таким образом: из какого своеобразного оригинального диалекта позаимствовали мадьяры существующие в их языке своеобразные тюркизмы?

Кстати, в поле зрения византийских историков венгры, которых указанный выше император в своей книге постоянно называет «турками» (тюрками), попали позднее. Данное сочинение поражает в данном случае хорошей осведомленностью автора об истории мадьяр: «В те времена (до переселения в земли тюрков. – А.М.) они не назывались турками, а именовались по неведомой причине **савартами-асфалами**».

Видимо, это самоназвание сувар и мадьяр, и оно является интереснейшим фактом. Дело в том, что конечный «т» (-ат, -ит) в древнетюркском языке является показателем множественного числа, следовательно, данное словосочетание нужно читать как «савары-асфалы». Кстати, император и печенегов, как и сувар, называет по-тюркски во множественном числе «пачинакитами»¹.

В приведенной выше статье «Монеты как источник по изучению булгарского языка» автором данных строк была сделана достаточно продуктивная и убедительная попытка доказать происхождение этнонима «чуваш» от названия «сувар», которыми пестрят источники раннего и позднего средневековья².

Сопоставление этих этнонимов является неслучайным. Дело в том, что древние правители тюрков после создания государств заселяли опасные для нападений приграничные земли дружественными или союзными племенами³. Поэтому любопытным является тот факт, что многие племена, населявшие пограничные области Хазарии, Великой Булгарии, позднее Казани, как правило, в конце (иногда в начале) своего самоназвания имели древнетюркское слово «иш», «аш», «ас» (сподвижник, т.е. союзник)⁴. Например, чирмеш (мари), чуваш; бортас, мортас, мокши (мордва); иштяк (башкиры) и т.д.

Данное слово достаточно широко использовалось и используется до сих пор

в тюркских языках, в том числе на татарском. К примеру, общеизвестное слово «товарищи» состоит из двух самостоятельных тюркских составных: «тавар»¹ (имущество) и «иш» (союзник) – букв. – «напарник по товару».

Каждый этноним требует корректного исторического подхода и требует подробного, хотя и достаточно сложного анализа. Пока ограничимся анализом этнонима «чуваш». «Чокающее» в данном случае произношение является одним из признаков хазаро-суварского, возможно, частично и булгарского языка. Например, исследователи гидронимов, поэтапное происхождение названия р. Чусовой в Пермской области, где находились ранние центры гунно-булгар, объясняют следующим образом. Начальный слог или слово «чу» в названии реки в гунно-булгарском языке означает «вода», второй слог «со» (по-общетюркски – «вода», «ва»; по-коми-пермяcki – «вода»), а окончание -ая – по-русски также имеет значение «вода» (река). Согласно исследованиям филологов, дивергенция языков хазаро-суварского союза на «й», «д», «с», «ж» и «ч» диалекты происходила еще до V в.².

Далее сообщение указанного выше императора Константина становится еще более интересным и познавательным. Он пишет: «Когда же между турками (мадьярами) и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок (мадьяр) было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами...»³.

Действительно, достаточно хорошо известны древние гидронимы и топонимы, связанные с суvarами на северо-западе Персии в районе Кавказа. Далее Константин продолжает: «С тех пор турки (мадьяры) не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки (мадьяры), живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их, и часто доставляют от них к себе ответные послания»⁴.

О языковых взаимоотношениях мадьяр и хазар император сообщает в связи с междоусобной войной среди самих хазар следующее: «Одни из них были перебиты, другие (хазары. – А.М.), бежав, пришли и поселились вместе с турками (мадьярами) в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться «каварами». Поэтому и турок (мадьяр) они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок (мадьяр)»⁵. По поводу двуязычия мадьяр эти сведения являются достаточно интересными. Как видно из текста, слово «кавар» является прозвищем, а не этнонимом. В древнетюркском языке «qoraġ» означает «скандалист», в данном случае – «восставшие», т.е. речь идет, видимо, именно о восставших суvarах, которые переселились к мадьярам и обучили их своему языку.

Почему же указанные выше авторы-протобулгаристы не обратили более серьезное внимание на такой весьма важный фактор, как упомянутые византийским

¹ Багрянородный К. Указ.соч. С. 159.

² Мухамадиев А.Г. Монеты как источник по изучению булгарского языка // Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980. С. 122–135.

³ Кляшторный С.Г. Терхинская надпись // СТ. Баку, 1980. № 3.

⁴ ДТС. С. 184.

¹ ДТС. С. 542.

² Гукасян В.Л. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописменного периода // СТ. 1978. № 2.

³ Багрянородный К. Указ. соч. С. 159.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Там же.

императором эфталиты или тюрки-савары, являвшиеся племенами, в составе которых находились мадьяры. Действительно, почему же они взялись за болгар, которые даже не упоминаются в этом достаточно объективном и серьезном источнике? Видимо, дело в том, что такой закономерный объективный подход разрушил бы все их построения и поставил бы всё на своё место!

Похоже, в этот опасный период, когда в восточноевропейских степях рыскали печенеги, разгромившие, судя по оставленным им пожарищам, не только мадьяр, но и города хазар, а из черепа великого русского князя Святослава сделавшие окованный золотом сосуд для питья кумыса, немаловажный костяк переселенцев мадьяр составляли отколовшиеся от хазар воинственные племена сувар. Впоследствии, как и дунайские болгары (возможно, и сувары, которые также являлись носителями одного из болгарских диалектов!), они исчезли с исторической арены, оставив некоторые элементы своего диалектального говора в венгерском и дунайско-болгарском языках.

5. На каком же языке говорили древние болгары?

На данный вопрос сохранившиеся протоболгарские или древние гунно-болгарские письменные памятники позволяют ответить, что, за редкими исключениями, они говорили на тюркском общеполгарском языке, на языке многих письменных памятников.

Как видно из дошедших до нас многочисленных древних гунно-болгарских надписей, их язык имеет широкий диапазон бытования по времени, поскольку существовал, судя по античным и раннего средневековья хорезмийским монетам, надписям на сосудах из драгоценных металлов и на печатках золотых перстней правителей болгар, со II в. до н.э. по VIII в. н.э.¹

Не должно нас удивлять или настораживать упоминание монет II в. до н.э. и раннего средневековья. Монеты — это один из наиболее надежных и убедительных языковых источников. Они сохранились в основном в огромном количестве, поскольку чеканились тысячами экземпляров. Упомянутые хорезмийские монеты почти регулярно выпускались со II в. до н.э. до начала VIII в. н.э., т.е. до принятия ислама в Хорезме.

Таким образом, указанные источники являются свидетелями развития гунно-тюрко-болгарского языка со II в. до н.э. по VIII в. н.э., т.е. в отрезке времени в тысячу лет. Указанные перстни, серьги и особенно сосуды с надписями на основе того же хорезмийско-гуннского алфавита продолжали существовать у болгар в основном как догматы манихейско-буддийского религиозного толка до VIII в. — до официального принятия хазарами ислама в 737 г. По-видимому, данные религии исчезли также в результате усиления ислама. Возможно, указанная письменность по традиции существовала некоторое время и позднее. Во всяком случае арабский автор X в. Ибн ан-Надим в своей книге «Китаб ал-Фихрист» (Книга росписи по наукам) писал, что болгары и туббат (тибетцы) употребляют письмен на Мани².

¹ Мухамадиев А. Указ. соч. С. 16–48.

² Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с конца VII в. до конца X в.). СПб., 1870. С. 241.

Поскольку гунно-болгарский язык относится к агглютинативным языкам, чтение надписей не составляет какого-то особого труда или особой сложности, хотя, естественно, имеются свои проблемы. Например, достаточно грамотная и четкая надпись с упоминанием имени сына Аттилы Диггизиха (автор внимательно читал ее в Эрмитаже), возможно, начеканена пуансоном, т.е. штемпелем на каждую букву (рис. 7а). Первое слово титула «король» написано в форме «кинг» с добавлением аффикса принадлежности «г» в конце. Первая буква второго слова написана с задним твердым «к», но далее использованы буквы с мягкими согласными, следовательно, слово читается с подразумевающимися мягкими гласными буквами в произношении как «кинкег».

Более древнее аналогичное написание данного титула в такой же форме встречается на многочисленных хорезмийских монетах раннего средневековья. Например: «Кнү төргүи Асукжүгү», т.е. *Король государства Асукжаугар*, в котором после носового «н» в титуле начеканен особый мягкий тюркский знак «ү».

В более поздней форме титул с мягким изначальным «к» имеется на золотом перстне правителя болгар Кубрата: «Кинг Кубрат», т.е. *Короля Кубрата*¹ (рис. 8).

Кстати, известный историк А.Н.Бернштам полагал, что гунны принесли в Европу более передовые, чем в рабовладельческом строе, феодальные взаимоотношения². Возможно титул «кинг» (король) и **система зависимых королевских взаимоотношений**, связанная с ним, являлись именно таковыми.

Написание имени известного по письменным источникам Диггизиха произведено, как отмечено, четко, и правильность прочтения не вызывает сомнения. Третье слово «үкү» или «өгә» со значением в древнетюркском языке «мудрый», видимо, является составной частью имени. По словам средневекового тюркского филолога М.Кашгари (XI в.) приставкой или словом «өгә» называли младших сыновей кагана, каковым являлся и сын Аттилы Диггизих³.

В целом в надписи все слова на первый взгляд понятны и достаточно знакомы, но некоторые из них изменили свое значение. Например, в современном татарском языке, когда говорят «кисү-кәе» (прекрасно разрезанная), имеется в виду, скажем, лапша. Однако в древнетюркском языке «башын кесди» означает отрубил голову саблей, а «кесимчи» — рубака, воин.

Поскольку надпись «сопровождает» всадника с мечом, то словосочетание с уменьшительно-выделительной частицей «кийү» означает, видимо, особый или любимый удар мечом⁴.

«Велесова книга». Большинство достаточно многословных надписей на чашах IV–VIII вв. в основном религиозного манихейско-буддийского толка.

Подобного характера надписи обычно начинаются такими словами, как: «Күрк менизи туркурму ким...» (Кто создает перевоплощение...) или: «Күрк менизи неңсезму кимму мүккүн...» (Перевоплощение. Неимущий ли, другой ли, поклоняйся...) или же «Увкы им Врхан кути күрк менизи...» (Читай символ блаженствования Будды, перевоплощение...) ⁵. На всех надписях важное место занимает «воплощение» или «первоплощение» души.

¹ Мухамадиев А. Древние монеты Казани. Казань, 2005. С. 31, 44, 55.

² Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 228.

³ ДТС. С. 379.

⁴ Мухамадиев А. Указ. соч. С. 43.

⁵ Там же. С. 37–39.

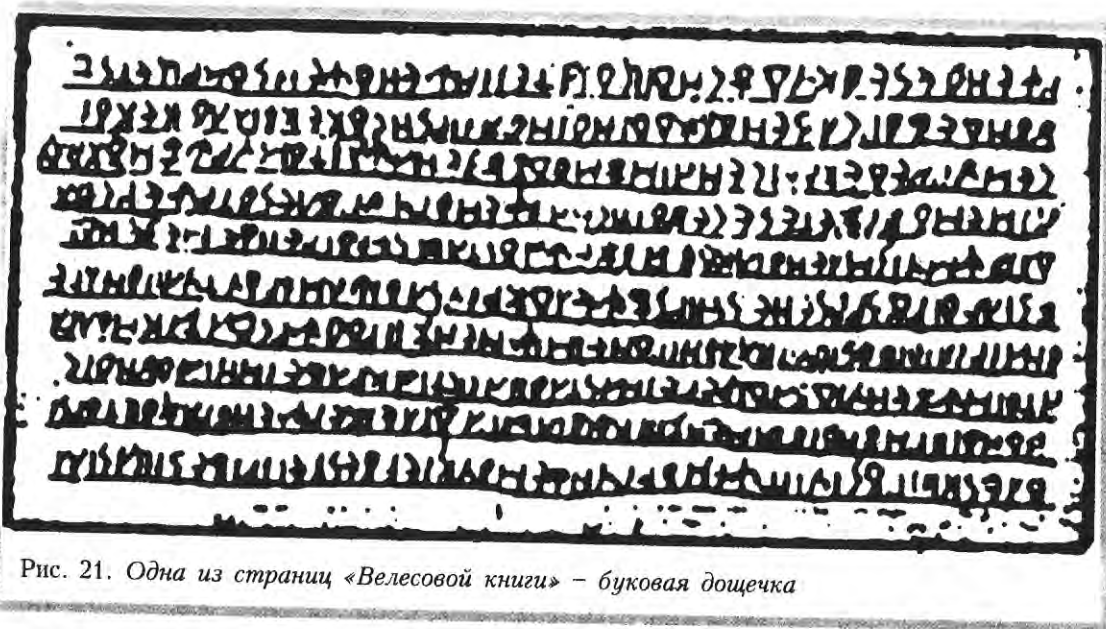

Рис. 21. Одна из страниц «Велесовой книги» – буквовая дощечка

Здесь приведены отрывки надписей на разных чашах потому, что, рассматривая многочисленную литературу, в том числе религиозную, манихейского или буддийского толка, автор данных строк проводил, можно сказать, не один год. Поэтому, когда увидел в Интернете и в книге «100 великих загадок истории» не только знакомые знаки, но и знакомые фразы, то вначале удивился, почему же их, т.е. дощечки с письменами, поместили вверх ногами. Сначала обвинял редактора, предполагая, что это он допустил ошибку, но потом догадался, что именно таким способом попытались «прочитать» указанную надпись. Хотя вроде бы ясно, что начерченные линии строки должны быть внизу, а не сверху надписей (рис.21).

Говорят, будто бы Наполеон сказал: «Поскребешь душу любого русского – вылезет татарин». Возможно, это именно тот самый случай.

В тексте почти все знаки знакомы, но в зависимости от качества и свойства поверхности (золото, серебро, пергамент или дерево) могут быть некоторые своеобразные начертания отдельных знаков надписи. Например, обычно напоминающая букву «о» знак «м» на доске приобрел несколько удлиненное начертание. Однако для достоверного чтения надписи, естественно, необходимо визуальное ознакомление с ней. Ради интереса приведу достаточно хорошо знакомые из приведенных выше текстов начальные слова первой строки надписи дощечки: «Тенгрум курк мнизем муңм-тарм сачн...», т.е. *Тенгри мой, мое воплощение, разгоните горе и страдания мои...*

Если кто-то из читателей желает попробовать свои силы в чтении надписей на дощечках, о которых в Интернете идет жаркая дискуссия, рекомендую сначала обратить внимание на алфавиты, которые были составлены автором¹. Правда, 45

¹ Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990. С. 59; он же. Гуннар һәм туран азмалары. Казан, 2000. 72 б.; он же. Древние монеты Казани. Казань, 2005. С. 18, 54.

буквых дощечек – это целая книга, поэтому они могут быть и достаточно сложным религиозно-философским трактатом.

Известно, например, подобное сочинение X в., изданное известными учеными В.В.Радловым и С.Е.Маловым, сутра «Altun jaruk» (Золотой блеск). Сочинение из десяти книг переписано позднее уйгурским письмом, в котором также часто встречается приведенное выше выражение «курк меңизи» (воплощение): «Обнаруживая в четырех стихиях, в пяти мирах, на шести путях существования самые разнообразные формы воплощения»¹.

Кстати, реальная история обнаружения книги из вышеуказанных буквых дощечек не противоречит подобному чтению знаков. Они, видимо, обнаружены в курганах, как и многочисленные находки, такие, как золотые перстни с печатками-надписями теми же буквами имени и титула правителя булгар Кубрата, царя Арханьды. Обработанные воском буквовые дощечки вполне могли сохраниться и до наших дней.

Интересны также для сравнения некоторые аналогичные надписи на предметах из венгерских средневековых курганов (рис.22).

Расположенная, как орнамент в центре прекрасной золотой серьги печатка-надпись на древнетюркском языке читается как «Аптм», т.е. «Апытым» (утешение²). На перстне надпись справа-налево на том же алфавите читается как «Ах-сум», которая встречается в древних источниках и обозначает имя царя эфталитов³.

Изучение древних и других сравнительно поздних кругов языковых материалов достаточно убедительно показывает, что гунно-булгары не являлись носителями г-языка. Как видим, ротацизм не характерен для булгаро-татарского языка, хотя имеются отдельные примеры подобного применения языковых особенностей.

До монгольского периода не известны пресловутые надгробные памятники 2-го стиля, как носители ярко выраженного ротацизма. Но надписи на сосудах или замках на булгаро-татарском языке известны еще с 1146 г., т.е. в домонгольский период, а наиболее ранний пока известный надгробный памятник 1-го стиля датируется 642 г. по х. (1244 г.)⁴.

Единственными носителями подобного характера особенностей г-языка являются надписи на надгробных памятниках 2-го стиля. Но они, хотя и очень интересны, однако ни в коей мере не являются выразителями вымышленного «протоболгарского»

Рис. 22. Перстень и золотая серьга из венгерских курганов

¹ Радлов В.В., Малов С.Е. Suvarnaprabhasa (Сутра Золотой блеск). СПб., 1913–1917. Вып. I–VII.

² Мухамадиев А. Указ. соч. С. 59.

³ Там же.

⁴ Юсупов Г.В. Указ. соч. С. 46.

языка. На памятниках 2-го стиля они выступают как архаические клерикальные элементы отнюдь не болгарского языка, который мы достаточно хорошо знаем. Это язык какого-то союзного племени, принявшего ислам еще до болгар, носителя диалектального г-языка, скорее всего, сувар.

Надгробные памятники 2-го стиля отличаются не только языковыми особенностями, выраженными в своеобразном начертании отдельных слов, но, как было отмечено, и текстами, написанными ложным, смешанным с «насх», давно устаревшим для Поволжья почерком «куфи».

Оригинальный великолепный почерк «куфи» на Волге использовался в давних временах и, судя по хазарским дирхемам, чеканенным после принятия ислама, в VIII–IX вв., а на монетах болгар весь X в.

Похоже, эти куфические тексты на памятниках 2-го стиля подражают каким-то архаическим текстам религиозных пергаментных книг сувар, сохранившихся со времен принятия ислама в VIII в.

Удивительно, но факт, что такое уникальное своеобразие эпиграфических памятников 2-го стиля несколько не насторожило исследователей. Дело даже не только в этом.

Само появление памятников 2-го стиля только в монгольский период (80-е гг. XIII в.) вызывает особый интерес. А в дальнейшем их резкое исчезновение в начале 50-х гг. XIV в.¹ является совершенно уникальным явлением и свидетельствует об архаичном, порицаемом и прозелитическом характере отдельных текстов на памятниках 2-го стиля.

Глава III

Великая Булгария в системе монгольских государств

¹ Юсупов В.Г. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. С. 47, 91.